

В НОМЕРЕ:

Ранний капитализм в США и России	4
Как навести порядок на полках: советы новоиспеченного устного историка	5
Историк и аудитория: заголовки статей журнала «Вопросы истории»	6
Публичка: родина электричества	8
Туристический рай: репортаж из Ирана	13
Время собирать кошек: рецензия на книгу Н. Е. Копосова	18
Экспедиция в Тульчин	20
Прикладная макроэкономика: третья сессия	22
От истории к историям: первая летняя школа программы	24
Художественные сокровища Петербурга	26

Европейский университет ГЛАЗАМИ НЕОФИТОВ

Елена Белокурова, Мария Ноженко, Центр европейских исследований, ЕУСПб

Изначально казалось, что единственная причина появления данной заметки — это стремление понять, каким видят сегодняшний Европейский университет те, для кого подходил к концу первый, самый сложный, год обучения. Однако когда мы начали работать над текстом, то поняли, что есть и другие причины, подтолкнувшие именно нас к его написанию.

Мы были в числе тех слушателей набора 1996 года, кто смог не только преодолеть вступительные испытания, но и получить первые корочки магистров. И, по-видимому, только сейчас, через восемь лет, настало время рефлексии о том, что же мы сами пережили. Нам захотелось узнать, насколько изменилось восприятие ЕУСПб его слушателями, сравнить их оценки, переживания и ощущения с тем, что чувствовали мы. Но еще более значимым поводом для нас стало стремление пяти выпускников Петрозаводского государственного уни-

верситета участвовать в этом году во вступительных испытаниях. Эти пятеро, ставшие на днях новыми слушателями факультета ПНиС, а до этого на протяжении трех с половиной лет являвшиеся нашими студентами в ПетрГУ, несомненно, заставили нас заново ощутить эмоциональный накал поступления. Помимо этого их решение пойти по нашим стопам возродило в памяти все поражения и победы почти десятилетней давности. Поэтому данная заметка во многом адресована им, а также всем вновь поступившим. Возможно, она позволит им с большей легкостью преодолеть трудный путь инициации, по которому должен пройти каждый неопит.

Конечно, мы могли бы просто освежить в памяти историю восьмилетней давности, попытаться воспроизвести свои уже утраченные остроту эмоции. Однако тогда не удалось бы понять, как Европейский университет изменился с тех пор. Поэтому мы решили довериться не только своей памяти, но и опыту тех, кто только что преодолел испытания первого года. Обнаруженная разница в восприятии позволяет не только осовременить наш «Путеводитель для неопитов», но и отчасти осмыслить качественные изменения, произошедшие в ЕУСПб.

Для того чтобы постичь мир неофитов 2004–2005 учебного года, мы составили короткую анкету и попросили слушателей первого курса всех факультетов заполнить ее. Анкета состояла из пяти вопросов, касавшихся как общих представлений о Европейском университете, так и тех индивидуальных впечатлений, которые сформировались за первый год обучения. Слушатели пяти факультетов проявили различную степень активности, а также по-разному отвечали на поставленные вопросы. Больше всего заполненных анкет представили факультеты экономики и истории. К нашему большому сожалению, пассивнее всего оказались слушатели родного факультета ПНиС, от которых мы получили всего две наспех заполненные анкеты. При этом на вопрос о том, что больше всего порадовало и огорчило в ЕУСПб, наши коллеги ответили: «Огорчили безумные анкеты». Тем не менее мы отнеслись к этому с пониманием, так как в памяти до сих пор сохранился весь ужас майской сессии нашего первого года, а также раздражение от общеуниверситетского праздника, посвященного окончанию учебы. Когда в 1997 году этнологи и историки получали из рук Бориса Максимовича Фирсова корочки магистров, а Конференц-зал был под завязку заполнен радостными гостями, в наших головах звучала бессмертная фраза Остапа Бендера о празднике жизни, поскольку в тот момент, когда по бокалам разливалось шампанское, до deadline по магистерским диссертациям на факультете ПНиС оставались считанные часы.

Несмотря на то что в общей сложности мы получили 29 заполненных анкет, в данной заметке вы не найдете добротного сравнительного анализа представлений об Университете магистров 1997 и 2005 годов. Связано это не с разницей поколений, а, скорее, с существованием внутри ЕУСПб пяти отличающихся друг от друга факультетов. Поэтому взгляд на Университет этнолога-неофита не идентичен представлениям его товарища-историка и может существенно различаться с ощущениями политолога или социолога. И так как нам посредством анкетирования не удалось ознакомиться с точкой зрения наших коллег с факультета ПНиС, мы не можем уверенно констатировать те или иные изменения в представлениях, произошедшие за последние восемь лет.

Европейский стал добрее

Чтобы выявить те ассоциации, которые вызывает Европейский университет у теперь уже бывших неофитов, мы попросили их кратко, в пяти прилагательных, охарактеризовать его. Самую большую группу ответов составила нейтральная констатация того очевидного факта, что ЕУСПб — это «серьезное», «научное» и «образовательное» заведение. В качестве основных прилагательных здесь назывались: «профессиональный», «результативный», «грамотный», «познавательный», «интеллигентный» и «интеллектуальный». Если сравнить это с нашими впечатлениями восьмилетней давности, то можно смело сказать, что таких прилагательных в наших ответах просто не могло быть. Причина этому не в том, что мы не считали ЕУСПб «серьезным» или «высококачественным», а потому, что все эти слова были бы слишком бледными и ничегонеговорящими по сравнению с теми эмоциями, которые вызывал у нас Университет. Наиболее невероятными были бы в тот момент для нас ответы, которые даются сейчас: «основательный», «фундаментальный» и даже «капитальный». Это вполне объяснимо: тогда Университет еще не был такой солидной, устоявшейся и «внешне respectable» структурой, какой он является сейчас. Он был более угловатым, неопределенным, резким или, как и сейчас его называли некоторые, «стихийным», «свободным» и «неорганизованным». Эти черты до сих пор видны некоторым слушателям, так как они все еще воспринимают его «молодым», «детским» и даже «наивным».

Вместе с тем уникальность Европейского университета, его принципиальное отличие от других учебных заведений были очевидны уже восемь лет назад. За прошедшие годы Университет не потерял этих качеств, и для многих слушателей сейчас он остается «нестандартным», «особенным»,

«единственным», «странным» и «чудным». Нередко слушатели отмечали особую притягательность ЕУСПб, называя его «заманчивым», «увлекательным», «интересным» и «удивительным». Вряд ли мы стали описывать уникальность ЕУСПб восемь лет назад именно в таких терминах, тогда принципиальным являлась его непохожесть на все остальные учебные заведения. Важным было то, что он «другой», «новый», «постсоветский» и просто «не такой, как все».

Главным же различием между нами и магистрами 2005 года является восприятие ЕУСПб как «доброжелательного» для неофитов заведения. Сейчас его часто называют «заботливым», «приветливым», «уютным», «своим» и даже «родным» и «любимым». Никаких подобных эмоций мы не испытывали, так как Университет нас ломал, переделывал, требовал, но никак не «любил». По крайней мере, не настолько явно, чтобы мы это заметили. В ответ и мы боялись, трепетали, переплавлялись, но не «любили» и не «роднились» с ним. Тогда Университет казался нам таким, каким его описали некоторые из сегодняшних слушателей (впрочем, очень и очень немногочисленных): «холодный», «амбициозный», «пристрастный» и «эгоистичный». Мы ощущали себя истинными неофитами, проходящими обряд инициации и поэтому готовыми к преодолению множества препятствий и барьеров. Для некоторых слушателей и сейчас Университет остается «строгим», «сложным» и «требующим большой отдачи». Но все эти прилагательные кажутся блеклыми по сравнению с теми, которые вспоминались и приходили на ум нам и нашим бывшим однокурсникам: «драконовский», «жестокый», «требовательный», «высокомерный», «заумный» и, конечно же, «элитный». Именно поэтому выйти с честью из всех испытаний было особенно почетно, тем более что вознаграждение было огромным: признание Университетом тебя «своим». Это было настоящей инициацией, только пройдя которую можно было ощутить и «доброжелательность». Однако после прохождения тяжелого пути это было настолько сложно, что чувства «родства» с ЕУСПб у многих магистров 1997 года так и не возникло. Тем более что конец пути оказался иллюзией: это был лишь первый этап. Путь продолжился, а с ним — и инициация. Как уже прошедшие через все круги инициации, мы искренне желаем неофитам пройти свой путь в менее «холодных» условиях. И поэтому мы рады, что сейчас в ЕУСПб царит более дружественная атмосфера.

Европейский становится социальнее

Индивидуальные впечатления от Европейского университета мы пытались выявить, спрашивая слушателей о тех ожиданиях, которые для них оправдались или, напротив, не оправдались после первого года обучения. Такая постановка вопроса позволяла, во-первых, определить первоначальные представления о ЕУСПб, еще не искаженные практиками пребывания в нем. А во-вторых, узнать сильные и слабые стороны Университета. Также более полную картину о достоинствах и недостатках мы пытались воссоздать, задавая вопросы о том, что необходимо улучшить в ЕУСПб и что более всего порадовало и огорчило в Университете.

«Оправдавшиеся ожидания» первокурсников никаких сюрпризов нам не преподнесли. Ожидания подавляющего большинства слушателей совпали с действительностью в отношении «высокого уровня преподавания» наряду с «требовательностью», «возможностью самореализации», «индивидуальным подходом» и «общением с близкими по духу и призванию людьми». В свое время эти же ожидания подтолкнули и нас сдать документы в приемную комиссию ЕУСПб. Однако для нас немаловажным являлось не просто «получение новых знаний», расширяющих кругозор и повышающих профессиональный уровень, а получение *знаний как таковых*. Это было связано с тем, что в середине 1990-х годов Европейский университет являлся единственным учебным заведением, в котором преподавали действительно социологию и политологию, а не переработанные под влиянием новых веяний научный коммунизм и политэкономия.

То, что действительно отличает нас от нынешних неопитов, — это неоправдавшиеся ожидания. По мнению слушателей 2004–2005 учебного года, Европейскому университету не хватает «приближенности к реальной жизни» и «практической деятельности», а также решения социальных проблем обучающихся. Последним из указанных разочарований пронизаны практически все анкеты. Так, слушателей не устраивают «стипендия в два с половиной раза меньше обещанной», отсутствие регистрации и даже прописки (!) для иногородних и иностранцев, отсутствие общежития и медицинской страховки, а также высокие цены в буфете: «10 рублей за чай — это не для студентов!» Мы же не смогли обнаружить в закоулках своего сознания ничего подобного. Оглядываясь назад, мы понимаем, что вообще не думали о социальных вопросах, хотя еда в кафе всегда была дорогой и невкусной, стипендия стала значимой только на короткое время после дефолта 1998 года, а о медицинской страховке от ЕУСПб не могли и помыслить. При этом такое наше «спокойное» отношение к бытовой неустроенности являлось следствием общей ситуации в стране, не избалованной социальным обеспечением, а не нашим рвением получать знания любой ценой и в любых условиях. Поэтому мы очень рады, что сейчас Европейский университет стал уделять больше внимания социальным вопросам, решая проблемы со страховкой и обещая решить проблемы с жильем и регистрацией. Тем не менее иногородним неопитам 2005–2006 учебного года все еще предстоит столкнуться с бытовыми неурядицами.

Также анкеты напомнили нам еще об одном кардинальном различии между 1997 и 2005 годами, заключающемся в отношении к ЕУСПб со стороны «внешнего мира». Если восемь лет тому назад для окружения, в первую очередь научного, Университет оставался своеобразной terra incognita, пробуждающей как интерес, так и недоверие, то

теперь он обрел устойчивую репутацию. И, к сожалению, эта репутация не совсем положительная. Как было указано в одной из анкет: «Впечатления превзошли все ожидания, так как ЕУ оказался лучше, чем о нем думают за его пределами». Несомненно, для нас нынешних такая оценка не стала сюрпризом. И мы также не раз испытали на себе «нелюбовь» внешнего мира, объясняемую не только завистью, но и, к сожалению, сделанными ошибками. И любому неопиту все равно придется в той или иной мере столкнуться с определенными сложностями во взаимоотношениях с окружением.

Инициация стала менее страшной

Любая инициация связана с преодолением препятствий, и любой неопит боится предстоящих испытаний. Когда закончился наш первый год обучения, мы могли сказать только одно: «Врагу не пожелаем». Однако сейчас, похоже, ситуация изменилась. И когда мы попросили в анкете сформулировать напутствие будущим первокурсникам, оказалось, что «не так страшен черт...» Так, многие слушатели желали «ничего не бояться», так как «здесь ко всем относятся хорошо» и «старшекурсники и другие вам помогут». Тем не менее не все пожелания сводились к тому, что «не все так серьезно, как вам кажется». Во многих анкетах содержалось пожелание: «Не сдавайтесь!» даже тогда, «когда все пойдет наперекосяк с самого начала, когда ощутишь ничтожный объем своих знаний по сравнению с безграничным объемом информации». Мы же, со своей стороны, полностью присоединяемся к одному из напутствий неопитов 2004–2005 учебного года: «Учитесь в Европейском университете! Это хорошее место. Будет тяжело, но это стоит того!»

РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ В США И РОССИИ

Елена Богданова, ЕУСПб, ГУ–ВШЭ (Санкт-Петербург)

В рамках сотрудничества Европейского университета и Санкт-Петербургской международной бизнес-ассоциации 6 июня 2005 года в Голубом зале ЕУСПб состоялось общее собрание членов СПИБА. Наиболее интересным пунктом повестки дня значилось выступление профессора факультета политических наук и социологии ЕУСПб Вадима Волкова, который обещал рассказать, что общего в отношениях самых влиятельных экономических агентов — олигархов и власти в России и США.

В своей последней книге «Силовое предпринимательство» Вадим Волков показал, как в ситуации, когда государство оказалось неспособным поддерживать общественный порядок и в случае необходимости осуществлять для этого легитимное насилие над гражданами, обеспечение порядка становится бизнесом, главную роль в котором все чаще играют обычные бандиты. По мере усиления государства, органов суда и прокуратуры этот вид предпринимательства становится менее выгодным, издержки, связанные с санкциями, растут, и выжившие игроки уходят в легальный бизнес. Однако большинство крупных бизнесов, вставших на путь легализации, скорее были связаны с махинациями в сфере приватизации или уплаты налогов. Именно на этом уровне правила игры до недавнего времени оставались в наименьшей степени определенными. Сегодня государство более или менее обеспечивает общественный порядок и регулирует отношения между игроками рынка. Однако среди наиболее крупных игроков всегда находятся те, кто стремится установить собственные правила игры, создавая в очередной раз опасную конкуренцию государству.

Дело ЮКОСа стало одним из наиболее значительных событий в экономической и политической жизни страны в последние годы. Почему ЮКОС? Почему Ходорковский? Чем все это закончится? Ответы на эти вопросы были неоднозначными. Официальную версию теперь уже большинство из нас знает — уклонение от уплаты налогов, мошенничество и многое другое. Тем не менее это ответы на вопрос «За что?», а не на вопрос «Почему?».

Долгое время мы жили в постсоветском обществе, постперестроечном, постсоциалистическом. Сначала период 1990-х называли переходным к капитализму, потом — трансформационным. Менялись политические и экономические игроки. Мы сравнивали себя с Латинской Америкой и Китаем, выбирая, каким путем идти дальше. За более чем десятилетний период перемен мы научились говорить в прошедшем времени, и многое из того, что происходило в 1990-е, — уже в прямом смысле прошлый век и история России. Внимание исследователей постепенно смещалось от анализа содержания перемен «здесь и сейчас» к сравнительным исследованиям. Выступление Вадима Волкова было на этот раз построено на сравнении России с Северной Америкой. Оказалось, что мы еще можем претендовать на сходство с США, во всяком случае в отношении периода так называемого раннего капитализма.

Что же делает такими похожими наши истории? Экономика США в эпоху правления Т. Рузвельта (1901–1909 гг. — именно этот период попадает в фокус внимания) характеризовалась быстрым ростом промышленности, строительством железных дорог, началом становления капиталистических отношений. Этот период, как правило, характеризуется наличием благоприятных условий для быстрого первоначального накопления капитала и постоянным переделом активов. Все это становится возможным в ситуации, когда федеральное государство не способно осуществлять свои контролирующие функции, а в обществе не существует устойчивой системы моральных норм, которые бы препятствовали получению прибыли преступным путем.

Фото А. Ходота

Выступление Вадима Волкова на общем собрании СПИБА

В США это вылилось в громкие дела государства против монополий. И наиболее ярким из них стало дело «Standard Oil», монополизировавшей в то время нефтяной рынок страны. Несмотря на то что требование о расчленении компании было по сути экономическим, само дело было политическим. Его подоплекой была попытка государства вернуть себе власть, которая к тому моменту фактически находилась в руках крупных корпораций. Осуществлению принятых монополистами решений — будь то строительство нового завода или сокращение рабочих мест — способствовала армия лоббистов, обеспечивавшая принятие нужных законов на федеральном уровне и позволявшая устанавливать свои правила игры в обход местных властей.

Дело компании ЮКОС первоначально многие были склонны связывать с политическими амбициями Ходорковского — его заявление о поддержке Союза правых сил на парламентских выборах расценивалось как опрометчивое. Однако в реальности, как полагает Вадим Волков, мотивы государства были гораздо сложнее. Российский контекст второй половины 1990-х годов характеризовала разрозненность политической и экономической элиты. Наиболее эффективными средствами конкуренции становились силовые захваты предприятий и враждебные поглощения. В какой-то мере подобная ситуация, кроме недостатков, гарантировала правительству отсутствие практически на всех рынках игроков, способных устанавливать правила игры. Руководство компании ЮКОС одним из первых обратило внимание на оптимизацию управления; компаний были получены крупные кредиты и подготавливались сделки, способные сделать ее сильным игроком. Наиболее существенной сделкой должно было стать слияние с компанией Сибнефть.

В теории управления существуют подходы, утверждающие, что для любой организационной единицы, будь то целая компания или ее структурное подразделение, гарантом процветания становится незаменимость. Именно такие перспективы были у ЮКОСа. Строительство нефтепровода на востоке страны, интерес к которому проявлял ЮКОС, грозило сделать компанию одним из центральных перегонщи-

ков нефти по территории России. Наличие стратегического объекта у компании с иностранным участием не могло не беспокоить структуры, отвечающие за государственную безопасность. Таким образом, кроме открыто заявленных политических амбиций, компания ЮКОС в определенный момент стала слишком сильной, превратилась в «стратегического» игрока. С мнением ЮКОСА стали считаться как на политической, так и на экономической аренах, он был известен в международной среде. И сделки, которые были запланированы к моменту возбуждения уголовного дела, еще более усиливали компанию. Кроме всего прочего, в последние годы ЮКОС активно занимался благотворительностью,

вкладывал деньги в образовательные программы. Эта деятельность компании могла усилить ее еще с одной стороны — она способствовала формированию положительного общественного мнения.

Таким образом, дело ЮКОСа не было делом «Путин против Ходорковского» или «Роснефть против ЮКОСа», это было дело «государство против ЮКОСа». Ставкой в конфликте с государством был суверенитет, поэтому даже экономические потери, которые были неизбежны, государство в расчет не принимало.

«УСТНАЯ ИСТОРИЯ»

между прочим

Екатерина Мельникова, Центр устной истории, ЕУСПб

На днях я решила заняться уборкой. Я не собираюсь посвящать вас во все тонкости моего хлама, а расскажу о занятии, многим из вас хорошо знакомом: я разбирала ксерокопии статей.

У меня плохая память и очень сильное чувство собственности. Поэтому я люблю ксерокопировать статьи, главы из книг и целые книги. Мне нравится иметь их у себя под рукой. Для того чтобы не только хранить, но иногда и пользоваться ксерокопиями, я тщательно вкладываю каждую статью в пластиковый карман, а затем вставляю в картонную папку со скоросшивателем. Так делаю все.

У меня есть несколько папок, у каждой — свое название, своя тема. Находить нужную статью гораздо проще, если ты знаешь, в какой именно папке она лежит. Но бывает, что я не успеваю раскладывать ксероксы как полагается и просто засовываю их куда придется. Тогда у меня скапливается груда неразобранных статей и, чтобы найти нужную, приходится тратить полчаса на просмотр всех папок друг за другом. В один из таких просмотров, когда мое терпение окончательно лопнуло, я и решила заняться уборкой. Решила раз и навсегда все разделить, разобрать, написать бирочки, определить для каждой статьи свое место и тем самым облегчить себе жизнь.

Узкоспециализированные исследования, посвященные антропологии грамотности, с легкостью нашли себе подходящее место. Без проблем прошли экзекуцию и статьи по истории, социологии и этнографии книги, экзорцизму и эсхатологическим ожиданиям (все это темы, связанные с моей диссертацией).

Наконец, дело дошло до желтой папки с надписью «Устная история». Поначалу и здесь все шло хорошо. Джон Боднар «Power and Memory in Oral History: Workers and Managers at Studebaker» — название говорит само за себя. Алистер Томсон и Пол Томпсон, Алессандро Портелли, Рональд Грил, Элизабет Тонкин — не о чем даже размышлять. Все эти классики устно-исторического жанра радостно отправляются в красивую желтую папку. Но дальше начались трудности.

Первым, кто испортил установившуюся было гармонию, оказался Эрик Хобсбаум и его «Изобретение традиций». Он мог бы украсить собой любую папку, но почему-то очень хотелось положить его именно сюда. Следом появились «Wisdom Sits in Places» Кит Бассо и уже старенькая статья Нади Лоуелл из сборника «Locality and Belonging». Обе посвящены антропологии ландшафта. Спрашивается, какое они имеют отношение к устной истории? Никакого. И уж тем более никакого к ней отношения не имеет performance-centered approach to Folklore. И в самом деле, разве об устной истории статья Роджера Абрахамса «Complicity and Imitation in Storytelling: a Pragmatic Folklorist's Perspective»? Или знаменитая книга Ричарда Баумана «Story, Performance and Event: Contextual Studies of Oral Narrative»? Конечно, нет. Но все-таки странным казалось положить их отдельно от «History-Telling as a Multivocal Art» А. Портелли и «The Teller

of the Tale: Authors and Their Authorisations» Э. Тонкин. Работу Дэвида Хафффорда «Traditions of Disbelief» я взяла в руки уже без особого энтузиазма, а на главах из монографии «Sites of Memory, Sites of Mourning» Джея Уинтера решила закончить уборку. Хорошо, что мне не нужно сортировать книги. Хорошо, что у меня дома нет полки под названием «Устная история». Как повезло мне и как не повезло библиотекарям!

Весь этот рассказ о статьях, которые трепетно хранятся у меня дома, я затеяла только для того, чтобы объяснить, почему заниматься «устной историей», окончив факультет этнологии Европейского университета, непросто. Как бы тщательно я ни пыталась изучать историю «устной истории», мне все время хочется ее «дописать».

Хочу подчеркнуть — я не пытаюсь создать какую-то новую антологию «устной истории». Названные выше исследования и подходы сформировались и развивались вне устно-исторических дисциплин, а их авторы, вероятно, удивились бы соседству с устно-историческими работами. И все же это исследование, без которых, на мой взгляд, разговор об «устной истории» невозможен.

В России сейчас заниматься «устной историей» стало модно. Широкоизвестный на Западе термин, ассоциирующийся с альтернативной историей и социальным протестом, новизной, актуальностью и конъюнктурным успехом, был воспринят у нас как таковой, то есть прежде всего как лозунг, требующий к себе внимания. Многие исследователи, раньше и не помышлявшие об «устной истории», с удивлением открыли, что и они тоже могут написать эти гордые слова на своих штандартах. Но только ли в предприимчивости дело?

С момента декларации первого устно-исторического проекта в 1948 году были предложены десятки, если не сотни, определений «устной истории», казалось бы решающие проблему ее размежевания с другими дисциплинами, позволяющие раз и навсегда уяснить ее место в ряду социальных наук. И несмотря на все определения, теоретические обоснования и методологические рассуждения, единственным верным и абсолютно достаточным условием отнесения той или иной работы к сфере «устной истории» до сих пор остается наличие узнаваемого словосочетания в заглавии.

Оказывается, что «устную историю» могут «делать» историки, социологи, фольклористы, этнологи, антропологи... С чем, собственно говоря, мы имеем дело? Многие и многие специалисты используют устные данные в своей работе. У каждого — свои вопросы, свои задачи. Устные воспоминания, повествования, высказывания всегда оказываются нужны для чего-то. Пытаемся ли мы понять, какую роль в своей жизни отводят крестьяне Северо-Запада России периоду немецкой оккупации, стремимся ли выяснить механизмы адаптации советских переселенцев на территории бывшей финской Карелии, хотим ли разобраться в том, как создавался и распространялся героический дискурс о войне или как украинское население бывших штетлов конструирует образы живших здесь прежде хозяев. Ставя перед собой исследовательские задачи, мы каждый раз заново решаем, что и у

кого спрашивать, как записывать, публиковать, интерпретировать. Решение поставленных проблем всегда предполагает обращение к другим, не устным источникам — архивным документам, публикациям в прессе, кино, музыке, мемуарам. Но если так, являются ли эти темы устно-историческими? И, в конечном счете, возможна ли вообще «устная история» устных историков? Если не ограничиваться в определении «устной истории» только пафосом «истории из первых рук», то что, кроме сохранения свидетельств очевидцев, является ее исключительной прерогативой? Честно говоря, у меня нет ответов на эти вопросы.

«Устная история» растворяется во множестве других дисциплин, направлений, исследований. Можно было бы попытаться отделить ее от них, отобрать что-то по-настоящему устно-историческое и положить в отдельную желтую папку, но стоит ли это делать?

На мой взгляд, именно в неотделимости «устной истории» от других гуманитарных дисциплин и заключается ее главная ценность. Междисциплинарность в данном случае — не красное словцо или дань моде, это единственно возможная форма существования «устной истории» в любой институционально выраженной форме. Эта ниша позволяет представить самые различные перспективы использования устных источников — от исследований истории памяти до трансформации локальных идентичностей, самые разные методы работы с ними — от скрупулезного нарративного анализа индивидуальных биографий до типологизации наиболее популярных сюжетов воспоминаний о войне.

Именно здесь могут и должны быть представлены подходы Пьера Нора и Мориса Хальбвакса к изучению памяти, Бенедикта Андерсона и Томаса Эриксона — к исследованию национализма, Ричарда Баумана и Романа Якобсона — к анализу фольклора. Восходя к принципиально различным научным направлениям и развиваясь в различных академических традициях, они тем не менее должны оказаться на одной полке, если эта полка принадлежит устному историку.

Год назад в серии «Языки славянской культуры» вышел перевод книги известного немецкого египтолога Яна Ассмана «Культурная память», посвященной древним культурам Ближнего Востока и Средиземноморья. Во введении Ассман

пишет: «В настоящей работе речь пойдет о взаимосвязи трех тем: “воспоминание” (иначе говоря: обращение к прошлому), “идентичность” (иначе говоря: политическое воображение) и “культурная преемственность” (иначе говоря: складывание традиции)». Взаимосвязь этих тем, как мне кажется, и есть «поле» устного историка, независимо от того, идет ли речь об эпохе Среднего Царства или современных жителях Новгородской области. И в том и другом случае оказываются актуальными проблемы интерпретации устных воспоминаний, то есть того, что люди говорят о себе и своем прошлом. И одинаково существенными в данном случае являются как методы фольклористики, так и антропологии, истории и социологии.

Мой взгляд на «устную историю», конечно, не бесспорен. Но моя главная задача как координатора Центра устной истории Европейского университета заключается не в продвижении собственных взглядов, а в обеспечении возможностей для взаимодействия и диалога специалистов различных дисциплин, заинтересованных в профессиональном анализе устных данных. Именно поэтому я приглашаю всех, кому интересна эта сфера деятельности, к участию в междисциплинарном семинаре по «устной истории» и в мастерских по «устной истории», начинающих работу в Европейском университете с сентября 2005 года.

Основная цель междисциплинарного семинара по «устной истории» заключается в обсуждении результатов исследований, предпринятых на базе устных источников. Мастерские по «устной истории» — это семинары, которые будут посвящены практическим вопросам, связанным с проведением интервью. В рамках этого формата предполагается обсуждение анализа отдельных интервью, особенностей интервьюирования представителей различных социальных и профессиональных групп, специфики составления опросников по специальным темам, технических и этических проблем интервьюирования и последующей обработки данных.

Предложения тем для междисциплинарного семинара по «устной истории» и мастерских по «устной истории» прошу направлять мне по адресу: melek@eu.spb.ru. И не забудьте зайти на наш сайт: <http://www.eu.spb.ru/oralhist>

Заголовки исторических статей имеют собственную историю

Анна Котомина, Институт всеобщей истории РАН

Годовое содержание журнала «Вопросы истории», на первый взгляд, мало что говорит человеку, который читает его не с целью поиска определенной статьи или автора, но «просто так», как самостоятельный текст. В этом занятии есть что-то от «пути концентрации невнимания», который практиковался московскими концептуалистами 1980–1990-х годов. Результатом практик московских концептуалистов были художественные объекты, которые А. Монастырский назвал «ироническими фантазиями». Объектом «концентрированного невнимания» могли стать и становились каталожные карточки, вывески и т. п.

Оглавления журнала «Вопросы истории» составляют серии повествовательных предложений, чаще всего назывных, которые внутри оглавлений объединяются по формальному принципу, — они следуют за фамилиями авторов статей, располагающихся в алфавитном порядке. Кроме того, названия объединяются в большие группы, соответствующие областям исследования, а также жанрам исторического повествования, которые в оглавлениях разных лет концептуализируются по-разному.

Смысл назывных предложений, заложенный в их грамматической форме, заключается в утверждении бытия, суще-

ствования называемого явления в настоящем времени. Грамматическая форма заголовков выдает цели историка. С одной стороны, формулируя заголовок, он хочет напомнить профессиональному сообществу о своем существовании, с другой — утвердить место своего исследования в пространстве представлений об истории, создаваемых и поддерживаемых усилиями научного сообщества.

Как известно, средневековые тексты имели хождение в виде малочисленных рукописных экземпляров, изготовленных чаще всего с конкретной целью или для конкретного человека. Средневековые тексты не имели заглавий в современном смысле этого слова. Заглавия современных научных статей — своего рода реплики, аналогичные приветствию в бытовой коммуникации. При помощи заглавия автор не только заявляет о своем присутствии в информационном пространстве, но и приглашает к коммуникации.

Связь заголовка с содержанием статьи условна: только человек, имеющий представление об историческом процессе, может понять по названию статьи, о чем именно она повествует. Н. Е. Копосов в книге «Как думают историки» рассуждал о том, что способ рубрикации (и формулировки заголовков) исторических сочинений выражает специфические для сознания историков ограничения, связанные с особенностями исторического мышления и воображения. Мало кто отважится оспорить это фундаментальное утверждение... Однако, помимо незыблемых основ, мышление обладает и другими компонентами, подверженными пусть медленным и малозаметным, но все же неотвратимым и неуклонным изменениям. Эти компоненты сопряжены со стратегиями коммуникации, присутствующими в любой деятельности, связанной с языком. По-

Выступление Анны Котоминой в ЕУСПб

этому они более зависимы от процессов, затрагивающих культуру и общество, чем основы исторического мышления и воображения.

В самом деле, если мы положим рядом оглавления журнала «Вопросы истории» за 2003 и 2004 годы, то различий в стилистике формулировок заглавий и в круге тем, которым посвящены исследования, почти не будет. Однако при сравнении оглавлений журналов за 1984 и 2004 годы различия тем и формулировок будут бросаться в глаза даже без пристального изучения. Формулировки тем и выбор объекта исследования характеризуют ситуацию внутри исторического сообщества, которое за 20 лет претерпело очевидные изменения. «Пушкин о США в “Джоне Теннере”» или «Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библиеиста и путешественника», — думаю, читатель без труда определит, какой из двух заголовков взят из журнала 1984, а какой — из журнала 2004 года.

Формулируя тему исследования, историки имеют возможность проявлять творческую свободу и давать волю фантазии в весьма ограниченных пределах: они вынуждены следовать негласным правилам и сложившимся традициям. Систематическое изучение серий заголовков за несколько лет позволяет понять, как в изменении названий отражаются перемены в коммуникативных стратегиях, принятых внутри сообщества профессиональных историков.

В значительной степени коммуникативные конвенции исторического сообщества зависят от специфики адресации журнала. Адресат определяет эти конвенции и, в конечном итоге, заглавия статей. Сравним: журнал «Вопросы истории» издается 12 раз в год и имеет тираж 6 тысяч экземпляров; журнал «Родина» издается также 12 раз в год, но тиражом 20 тысяч экземпляров; журнал «Одиссей» выходит около 1 раза в год тиражом 1 тысяча экземпляров. При этом издатели «Родины» обращаются к широкому кругу любителей истории, издатели «Одиссея» — к узкой группе специалистов по исторической антропологии, а издатели «Вопросов истории» — к профессиональному сообществу, включающему не только академических историков, но и преподавателей истории в школе.

Формулируя тему исследования, историки называют объект исследования, фактически создавая его, и намечают угол зрения, под которым они собираются этот объект рассматривать и описывать. Например, в статье «Обострение борьбы в деревне в годы Столыпинской реформы» (1983) объектом исследования выступает Столыпинская реформа, рассматриваемая через обострение отношений в деревне. В статье «Судебная система Российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XVI—XVIII вв.)» (2004) объектом изучения является судебная система Российского государства, которая рассматривается в перспективе смены правителей, символизирующих этапы движения истории.

Статьи, описывающие результаты исследования, предназначены для обращения внутри научного сообщества. По этой причине для формулировки тем статей используются единицы смысла, которые являются для данного сообщества конвенциональными. В научно-популярных изданиях названия статей представляют собой метафору — объект описания называется при помощи единиц смысла, заимствованных из области обыденного мышления и чуждых пространству представления об истории. В журнале «Родина» статья об отношениях армии и общества во время Русско-японской войны может называться «Бесшабашная бестолочь», а статья о политическом конфликте между запорожскими казаками и Русским государством в XVII в. — «Брак по расчету» (2004. № 1).

Сопоставление содержаний журналов «Вопросы истории» за 1983—1984 и 2003—2004 годы показывает, что способ номинации объектов изучения и представление о воображаемом пространстве истории, внутри которых объекты локализируются, изменились существенным образом. Например, изменился пространственный и временной масштаб изучаемых объектов, изменилась частота обращения к сходным объектам, воображаемое пространство истории получило другое зонирование, другие центры и периферию.

Заглавия современных статей, описывающих исторические исследования, представляют собой обращения автора статьи к группе людей, которых он считает своими читателями, своей аудиторией. Для современного историка, подбирающего заголовок для статьи, аудитория, к которой он мысленно при этом обращается, остается по большей мере мысленной конструкцией. Хотя данная конструкция, конечно, может принимать черты ответственного редактора, грантодателя или участников научной конференции. Принципы формулировки названий отражают представления историка об аудитории. Историки, публиковавшие свои статьи в журнале «Вопросы истории» в 2003—2004 годах, имеют представление о множественности возможных аудиторий и языков коммуникации, необходимых для коммуникативного обмена. В формулировках заглавий их статей объекты исследования обозначаются через детали, обращенные к воображению, объединяющему разные аудитории, внутри которых представления об истории могут быть различными. Историки, публиковавшие статьи в журнале в 1983—1984 годах, исходили из представления о существовании единой аудитории, объединенной языком, который необходимо было приспособлять для описания любых объектов, которые исследователь считал необходимым ввести в поле исторических исследований.

Формулировка статьи, описывающей историческое исследование, выступает для историков «внутренним делом», частью «исследовательской кухни». Однако именно при помощи формулировок тем исторических исследований конструируется «фасад» исторической науки, через образ которого воспринимают данную науку «не историки». Формулировки названий редко осознаются профессиональным сообществом как часть коммуникации, и образ сообщества, который складывается при прочтении годовых содержаний исторических журналов, может оказаться для самих историков неожиданным. Отсутствие у художников рефлексии по поводу конкретной культурно-исторической ситуации и сменяющих друг друга доминирующих культурно-исторических мейнстримов называлось в художественной практике московской концептуальной школы «художественной невменяемостью». Художественные практики нацелены на обновление и парадоксализацию культурного процесса, научные практики — на консервацию и нормализацию. По этой причине вопрос о том, в какой мере иронический псевдотермин Д. А. Пригова может быть перенесен на интеллектуальные процессы внутри исторического сообщества, остается открытым. Исследование изменений в практике формулировки названий исторических исследований представляется интересным и полезным для выработки более продуктивных стратегий внутри меняющейся культурно-исторической коммуникации.

Фото Е. Мельниковой

БАВИЛОНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Предлагаем вниманию читателей окончание статьи Алексея Куприянова «Вавилонская библиотека». Начало ее, включающее общее введение и очерки «Имя», «Фонды», «Каталоги», «Пространство», «Культ тишины», «Копиисты» и «Торжество технологии», см. в предыдущем номере (а также на сайте по адресу: <http://www.eu.spb.ru/informlist>). Тем, кому эти заметки покажутся бессвязными, мы адресуем цитату из введения к первой части статьи: «Это честное хаотическое повествование о последовательно хаотичном заведении».

Алексей Куприянов, программа «Развитие социальных исследований образования в России»

Родина электричества

$I=U/R$. Закон Ома.

Тема ноутбуков плавно перетекает в тему электричества. На Московском с этим все благополучно. Розетки расположены в специальных маленьких торчках с крышечками рядом со столами читателей. На Островского розетки распределены кайне неравномерно¹. Читатели без ноутбуков, не ведающие наших горестей, беспечно занимают столы с розетками (и все что можно вокруг них), заставляя порой протягивать кабели поперек проходов. Лучше всего дела обстоят в читальном зале Основного русского фонда, в котором на каждом столе находится по две розетки. Зато там нет ламп. В огромном, на десятки мест, Зале медико-биологической литературы было по две лампы на каждом столе (подключенных централизованно). Лампочки были целы не везде, поэтому предприимчивые читатели искали исправные на пустующих столах и ввинчивали их вместо перегоревших. Зато розеток там было всего штуки четыре, раскиданных по центральному ряду. В Зале общественных наук розеток нет совсем (возможно, туда с ноутбуками не ходят). В Зале литературы и искусства есть несколько розеток на задних рядах, но в них воткнуты лампы. Там же сидят владельцы компьютеров, выдергивающие лампы из розеток. В ЦСБ была одна розетка в зале с каталогом, под открытой форточкой (требовался шарфик). В журнальном зале Русского фонда — две работающих на одной из колонн и несколько фальшь-розеток, в которые попадают доверчивые ноутбуководельцы. Розетки никогда не встречаются на столах, предназначенных для докторов наук. Электрическая сила их мысли питает ноутбуки сама. А может быть, им просто не нужны ноутбуки.

Бумажки

«Однако в то же время я являюсь и от имени земного повелителя, о чем свидетельствует вручаемая при сем грамота, и от его имени также хотел бы выразить вам благодарность за теплый прием». У. Эко. *Имя Розы*.

Стоит пересечь пост на входе, и вы попадаете в потоки учета и контроля, в которых ваше брэнное тело и читаемые им книги репрезентируются целым ворохом бумажек, которые законосообразно циркулируют по библиотеке, переходя из рук в руки и обогащаясь все новыми и новыми инскрипциями. Мне удалось обнаружить как минимум девять разных важных бумажек, про которые имеет смысл написать.

Билет — ваше ID в библиотечном мире. Уже примерно лет десять, как он стал ламинированной карточкой. Теперь на нем ничего не пишут ежегодно и печатей новых не ставят. Он превращается в тыкву каждые пять лет. К этому сроку надо обзаводиться новой фотографией, которая больше похожа на вас, и т. п.

Контрольный листок — самый важный документ. Его утрата грозит страшными бедствиями. Все время крепко держите его в руках. Его выдает при входе специальный дежурный по предъявлению билета, его надо отдать при выходе специальному милиционеру. На листке сразу же надо напи-

КВИТАНЦИЯ № 952240
 Серия А
 Форма 10 по ОКУД

КОДЫ
0504510

Федеральное государственное учреждение
 Российская Национальная Библиотека
 191069, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18
 ИНН 7808036089 ОКПО

Принято от Дирининов
 В уплату услуг по составлению списка литературы
 Источник финансирования: внебюджетный
 Сумма двадцать руб. 70 коп.
 Получил М. П.
 Уплатил М. П.

© 2011 "Телеграф-РФ" № 4232. Тел. 208 + 29 + 2. 27.08.2014

Квитанция об оплате услуг
 по составлению списка литературы

сать имя, фамилию, номер билета и зачем-то адрес. Еще недавно адрес писать было не надо. Куда бы вы ни пришли, первое, что от вас потребуют, — контрольный листок. Без него не выдадут заказанные книги, не дадут заказать никакие книги и не выпустят из библиотеки без составления протокола. На нем ставится отметка о наличии у вас компьютера, о том, сколько изданий и в каких залах выдано и сдано, он остается заложником в Основном русском фонде и «Россику», пока вы читаете взятые отсюда книги. Когда соберетесь уходить, надо попросить библиографа «отметить на выход» ваш контрольный листок. Без этого вас тоже не выпустят. Если вы вообще не читали книг, а только работали в каталогах, то «отметить на выход» все равно придется. Кроме тех, кому вы сдаете книги, «отмечать на выход» умеет ответственный дежурный.

Заявки на книги можно отдавать только дежурному библиографу вашего читального зала (в обмен вы получаете книги и «ответы»). Библиографы специальных залов ничего у вас не возьмут. Они должны вступить с вами в переписку при посредстве специального ящичка, хранящегося у библиографа вашего зала. Туда кладут те самые «ответы» — на обороте вашей заявки ставится штамп с приглашением пройти в «Россику» или в читальный зал Основного русского фонда и срок действия приглашения (10 дней). Обычно на листке заметны следы раздумий и изысканий — дополнительные шифры от других экземпляров и прочие загадочные пометки. В заявках на книги есть только одна графа, вызывающая недоумение, — «язык».

Заявки на журналы похожи на книжные, но их принимают только библиографы залов периодики.

Два важных типа бумажек, связанных с ксерокопированием (*разрешение и закладки*), и их циркуляция уже описаны выше в главе «Копиисты».

Листочек «ласточкин хвост» (на библиотечном жаргоне его называют «вкладыш»): из плотной бумаги, длинный и узкий, с глубоким треугольным вырезом на одном из концов, вкладывается в каждый выданный вам том. На нем написан номер вашего билета и дата выдачи. Если вы хотите продлить срок пользования, надо написать на нем новую дату, зачеркнув старую.

Отношения могут понадобиться, если вы читаете старые или редкие издания. Форма проста: бланк организации, «организация просит допустить к работе в читальном зале», «вставить название зала (для «Россики» указать «Отдела Россики», хоть там и нет никакого зала...), вставить должность, имярек по теме «бала», подпись директора, круглая печать. Их нужно много, поскольку в каждом фонде их будут оставлять в специальной папочке. Лучше, направляясь в библиотеку, иметь их несколько про запас. Отношения превращаются в тыквы 31 декабря текущего года. В январе надо приходиться с новыми. Опытные золушки готовятся к этому важному событию заранее.

Квитанции об оплате. Из них важнее всего — квитанция об оплате услуг по составлению списка литературы (эвфемизм для обозначения полатопного налога). Если обнаружат, что вы приткнулись к розетке без этой квитанции, будет скандал.

В общем, вы должны все время носить с собой самые важные бумажки: пропуск, контрольный листок и приглашения в особые фонды. Их отбирают у вас только тогда, когда вы приходите брать книги в «Россику» (поскольку там нет читального зала, надо идти с книгами на любое свободное место) или в читальный зал Основного русского фонда. В обоих случаях их не выдадут обратно, пока вы не сдадите книги. Это может создать определенные неудобства. Например, без контрольного листка у вас не примут заявки, поэтому все заявки на книги надо подавать либо до, либо после похода в особые фонды. При этом следует учесть, что заявки прекращают принимать за полчаса до закрытия библиотеки. Рассчитывайте свое время.

Помимо бумажек, имеющих у вас на руках, за вами тянется тонкая цепочка следов во всевозможных журналах и «простынях», в которых тщательно фиксируются обращения за консультациями, выдача квитанций, подача заявок и т. п.

Хранители

«Закрытое поместилище мудрости защищено множеством хитрых и мудрых уловок. Мудрость использована для помрачения, а не для просвещения. Это мне не нравится. Какой-то извращенный ум заведует святым делом — защитой библиотеки...» У. Эко. *Имя розы*.

Почти все сотрудники библиотеки, с которыми вам придется общаться (кроме милиции на входе, одного из копиистов и сурового бородатого библиографа, попадающегося в ЦСБ и на участке доступа к электронным каталогам), — женщины. Глубоко укорененная в языке гендерная дискриминация лишила наименования их должностей характерных окончаний. Поэтому надо иметь в виду, что почти везде, где я говорю об ответственном дежурном и библиографах, речь идет о дамах.

Если наша задача — читать книги, то их задача, наоборот, — сохранить их. Расслабившись после полутора месяцев работы в германских библиотеках, я читал в зале Основного русского фонда учебник XVIII века. Когда я задал библиографу вопрос о копировании, она сказала, что копирование невозможно. Я спросил, нельзя ли все же как-нибудь получить репродукции некоторых страниц. Покосившись на мой лаптоп, она произнесла речь о том, что некоторые, если богатые, то они, конечно, могут спонсировать, но вообще мы должны быть благодарны за то, что нам в принципе дают посмотреть на книги, которые в другом месте и не дали бы. Мои свежие впечатления все еще говорили об обратном (никаких проблем с возможностью *читать* книги XVIII века в Германии, разумеется, не было)². В ответ на мое робкое замечание: «Я думал, что библиотеки служат для того, чтобы люди могли приходиться и читать книги...» — она произнесла историческую фразу, которая на долгие годы определила мое понимание сути Публички: «Молодой человек, вы нас с кем-то путаете! Это не библиотека. Это — книгохранилище!»

Вообще, многие из них — милые и славные люди. Главное, что вы должны помнить, — почти все они готовы войти в ваше положение, пожалеть вас и помочь. В этом и состоит отличие общества добрых услуг ancien regime от общества бюрократической рациональности модерна.

Мелочи

«Я мог бы продолжить этот перечень, о, всего на свете привлекательнее перечень в своей необъяснимой наглядности». У. Эко. *Имя розы*.

На лестнице, ведущей от пункта записи к посту ответственного дежурного у Ленинского зала, на стене красуется длинная трещина, убегающая вверх. Трещина скреплена бумажной лентой с двумя магическими (большими, круглыми,

фиолетовыми) печатями, силой заклятья удерживающими стену от разрушения.

Номерки. На Островского они круглые: красные — в гардероб (одежду без петличек не принимаем), синие (часто для усиления склеенные с алюминиевым номерком) — в камеру хранения. На Островского боксы для вещей в камере разного размера, тяжелые вещи надо заносить и выносить самим, среднетяжелые подавать через специальное окошечко под прилавком. В новом здании на Московском номерки продолговатые и толстые (в гардеробе — синие, а в камере хранения — зеленые). Они с трудом влезают в карманы и стоят там колом.

Во всех залах на Островского в столы вмонтированы специальные незаметные полочки, для того чтобы удариться о них коленями.

В Зале медико-биологической литературы на стене висят часы, которые должны были, по первоначальному замыслу, показывать не только часы и минуты, но также день недели, число и месяц. Надо ли говорить, что они давно ничего не показывают, а те немногие стрелки, которые на них сохранились, не дают понять, как они могли показывать хоть что-то при жизни.

Из объявлений: «Фотография должна соответствовать внешнему виду и возрасту читателя». Каждый раз, вместо скучного «и возрасту», хочется добавить: «...и внутреннему состоянию». Или: «...и душевному состоянию».

На стенде при входе вывешены угрожающие копии приказов: «Гражданин Х ударил гражданина Y книгой по лицу...»; «Обнаружены вырванные страницы...»; «Пытался проникнуть в здание после закрытия, швырнул билет в библиотекаря...» Все эти истории заканчиваются однообразно: вызовом сотрудников охраны и лишением права пользования библиотекой.

Молодой человек сидит, разложив перед собой несколько томов XVII–XVIII веков (старинные переплеты, дрянная бумага, латынь, длинные S, взаимозаменяемые U и V, в конце каждой страницы — слово-полслова, с которых начнется следующая), ожесточенно вбивая что-то в компьютер. Рядом с ним сидит старичок, обложившийся книгами по компьютерной 3D-анимации, из которых он делает выписки шариковой ручкой на испещренных пометками измятых клочках клетчатой бумаги.

Над постом ответственного дежурного — заставленные книгами антресоли, на них нет ни выхода, ни входа. Имеющаяся рядом винтовая лестница ведет не на них, а в какое-то другое потаенное место.

Пока я писал эту статью, вход с площади Островского совсем перекрыли, допустив читателей в святая святых — вход со стороны дирекции (с Садовой). Туда немедленно переехали милиционер и барышня, выдающая контрольные листки. За анизотропными дверями с односторонне присутствующими ручками (в результате поток посетителей неизбежно разделяется на входящих и выходящих — открыть дверь «не с той стороны» невозможно) — лестница и извилистый проход направо в гардероб для сотрудников. Его поделили на две части, отдав дальнюю посетителям. Импровизированная камера хранения: крючки на высоте колена, приделанные к стене под надписью «Для тяжелых рюкзаков». Трудное детство, деревянные номерки... Заодно выяснилась еще одна трогательная деталь, роднящая Публичку со зданием ЕУСПБ: если идти от главного входа, то кажется, что каталоги находятся на втором этаже, а если из дирекции, то на третьем.

Midsummer's night dream

«No comments». Так отвечают назойливым репортерам герои-полицейские из американских боевиков.

«Sapienti sat». Латинская поговорка.

Этим летом (в самой середине июля) я оказался в Гуэлфе, небольшом университетском городке канадской провинции Онтарио, где проходила очередная конференция Международного общества историков, философов и социальных исследователей биологии (ISHPSSB). Университет в Гуэлфе относительно молодой. Он был образован в 1964 году в

результате объединения нескольких специализированных колледжей, старейшим из которых был сельскохозяйственный, открытый еще в конце XIX века, с вновь созданным колледжем свободных наук и искусств. Программа конференции была довольно насыщенной. Я еле успевал бегать с секции на секцию, нередко разрываясь между двумя-тремя интересными докладами, поставленными на одно и то же время. В один из вечеров я выкроил немного времени, чтобы заскочить в местную университетскую библиотеку. Мимо ее величественного здания из стекла и бетона я ежедневно пробегал по пути от Лэмбтон-холла (поэтическое название общежития) к Розански-холлу, в котором происходили заседания.

Было около восьми вечера, но библиотека еще работала. Я подошел к дверям по пологому пандусу с перильцами для читателей в колесных креслах³. Вы когда-нибудь видели таких читателей в Публичке? Я — нет. Я шел мимо характерных гнутых труб — велосипедных доков, вспоминая объявление в РНБ: «Вход с велосипедами запрещен». На дверях висело объявление с извинениями: в связи с переходом на летнее расписание библиотека работает с семи утра не до двух часов ночи (запоздалым читателям предлагается экзотический сервис — специальный студент-волонтер может проводить вас прямо до автобусной остановки или до общежития в пределах кампуса), а только до десяти вечера. Рядом другое: просят извинения за неудобства, связанные с ремонтом. Указана предполагаемая дата окончания ремонтных работ.

Просторный холл был безлюден. Спиной ко мне за столом сидел молодой человек с ноутбуком (позже я выяснил, что в его задачи входит заглядывать в сумки выходящих из библиотеки — на первой странице сайта библиотеки висели извинения: в связи с ремонтными работами временно отключена автоматическая система слежения за выносом книг). Я прошел мимо него, оглядываясь в поисках полиции или сотрудников охраны. Тщетно. Неподалеку от молодого человека за прилавком скучала одинокая девушка. Приглядевшись к объявлениям, я обнаружил, что она дежурит на пункте выдачи ноутбуков с Wi-Fi (вся библиотека, помимо большого числа стационарных компьютеров, находящихся в свободном доступе на каждом этаже, перекрыта беспроводной сетью). Каждый пользователь библиотеки может получить во временное пользование ноутбук. Важно сдать его дежурному непосредственно в руки, в той самой специальной сумке, в которой его вам выдали. Если ноутбук пропадет, то с вас могут взыскать его полную стоимость.

Побродив по холлу, я наткнулся на целую систему информационных стендов. Одним из них была доска для переписки с читателями. Рядом с ней на столе лежали специальные бланки для вопросов. Можно написать вопрос на бланке, бросить его в висящий тут же ящик. Через пару дней будет вывешен ответ, который провисит на стенде дней пять. Наиболее популярные темы для переписки: экономия бумаги на принтерах и ксероксах общего доступа (environmentally concerned студенты требуют от администрации обязать всех печатать на двух сторонах и даже предлагают выделить волонтеров для сортировки выброшенных бумаг на совсем негодные и на отпечатанные только с одной стороны; сотрудники библиотеки объясняют, что они рассмотрят вопрос о перенастройке принтеров, но не советуют использовать бумагу вторично), вопросы о судьбе любимого всеми студентами библиотекаря (сотрудники библиотеки пишут, что он ушел на заслуженный отдых и что им тоже будет его не хватать), жалобы на внешних по отношению к университету тинейджеров и малолетних детей, которые подолгу занимают компьютеры общего доступа, например болтая по MSN (сотрудники библиотеки объясняют, что им одинаково дороги все посетители библиотеки и что компьютеры предоставляются на основе принципа «first-came-first-served»). Рядом — стенд, на котором по кармашкам разложены разные информационные материалы: планы этажей библиотеки со схемой расстановки шифров, правила для читателей, советы по порядку поиска литературы.

Фото с сайта Университета в Гуэлфе

Библиотека Университета в Гуэлфе (McLaughlin Library)

Обратите внимание на пандус для колесных кресел слева от лестницы и стоянку для велосипедов справа от нее

Первые компьютеры, замеченные мною на схеме, были расположены в подвале. Поэтому я, предварительно запасшись планами этажей, направился туда. Несмотря на поздний час, несколько компьютеров подвального этажа (там хранятся сборники законов) были заняты. Я нашел свободную машину, посмотрел электронную почту, потом зашел на сайт библиотеки в компьютерный каталог (единый для трех библиотек Гуэлфа и окрестностей), нашел там интересующую меня литературу и отправился на поиски. Один из шести лифтов поднял меня из подвала на четвертый этаж, и я оказался в огромном зале со стеклянными стенами, заставленном стеллажами. На периферии зала виднелись рабочие столы. Некоторые с компьютерами, за которыми сидели поздние читатели. Побродив между стеллажей со схемой в руках, я довольно быстро нашел интересующую меня полку. По соседству с нужной мне книгой стояли близкие к ней по теме. Что-то было знакомо. Чего-то я никогда не видел. Быстро просмотрев ту, что я искал, и не найдя в ней ничего неожиданного, я начал лазать по полкам вокруг. Зароились какие-то мысли. Неплохо бы просмотреть эту, ту, еще вот эту... Библиотека провоцировала к чтению. Я ощутил тот же охотничий азарт, что и в библиотеках Геттингена, Франкфурта, Упсалы. В миниатюре все это можно почувствовать в нашей родной библиотеке ЕУСПб. Выбрался из библиотеки почти к самому закрытию. Теперь вместо молодого человека на проверке сумок сидела улыбчивая девушка. Она заглянула в мой рюкзак, улыбнувшись, отказалась заглядывать в большой карман на нем («Oh, that's OK...») и попрощалась.

Не успел освоить копирование. В книгах, которые я посмотрел, не оказалось того, на что я надеялся, и копировать ничего не пришлось. Поэтому я просто подивился на аппарат, продающий карточки для копирования. Сначала надо

купить саму карту, потом, вставив ее в специальную щель на том же аппарате, за дополнительную плату начислить на нее некоторое количество условных единиц. Залоговая стоимость карты — 1 канадский доллар, стоимость ксерокопии — 10 канадских центов (примерно 2 руб. 50 коп.)⁴.

Благодарности

Эта статья не была бы написана без помощи многих людей, которые поделились со мной важной информацией о стоимости ксерокопий в разных странах и некоторыми подробностями библиотечной жизни. Выражаю сердечную благодарность за предоставление информации о стоимости ксерокопий в разных странах: Анастасии Барбиной (по Великобритании и Чикаго, США), Евгении Ведерниковой (Германия), Наталье Карповой (Боулинг Грин, США), Марине Хаккарайнен (Финляндия), Оливеру Хохаделю (Австрия), Антону Черкасову (Филадельфия, США) и Алексею Юрченко (Норвегия). Отдельное спасибо Наталье Георгиевне Суховой, без которой я никогда не смог бы найти столовую в здании на Островского.

Примечания

¹ С тех пор как я начал писать эту статью, многое изменилось. ЦСБ полностью переехала на Московский, Зал медико-биологической литературы закрылся на ремонт.

² О копировании старинной литературы см. раздел «Копиисты» в предыдущем выпуске нашей газеты.

³ Да простят мне этот неологизм. Я вводил его, движимый благими намерениями.

⁴ См. раздел «Копиисты» в первой части статьи, опубликованной в предыдущем выпуске нашей газеты.

ПРОВОДЫ В АРМИЮ:

заметки на полях книги

Марина Хаккарайнен, факультет этнологии, ЕУСПб

Этим летом в издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга Жанны Корминой «Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа» (М., 2005, 375 с.; Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). Событие это открывает важный этап в развитии факультета этнологии — наконец-то положено начало написанию и изданию монографических исследований выпускников самого неспешного в выдаче «конкретных результатов» факультета Европейского университета.

Знакомство с изданием начинается, как всегда, с обложки, которая задает первоначальный настрой: строгая геометрия букв, античная мужская фигура на переднем плане... Но что-то нам в ней мешает, кажется необычным, заставляет подержать книгу в руках, не открывая ее, и попробовать определить и преодолеть визуальное неудобство. Постепенно замечаешь, что скульптурный мужчина — не Антиной, гордо выставивший музейную красоту своего тела на обозрение. Он ссутулился, скован и пытается хоть как-то, пусть только попой, прикрыть свою наготу. Постепенно наше внимание смещается — на заднем плане картинка тяжелый присутственный стол, массивные письменные принадлежности, бумаги, разложенные на сукне, сидящий за столом человек в военной форме с требовательным выражением лица. Именно перед ним стоит наш герой, герой этой книги, — «молодой человек призывного возраста» из русской провинции.

Монография Жанны Корминой не совсем обычна. Человек и государство — такова ее тема в самом широком значении. И в том, что была выбрана именно эта тема, конечно же, нет ничего неожиданного. Отношения индивида и социума, воплощенного в форме равнодушного к своим «винтикам» механизма принуждения — государства, заключают в себе высокую потенцию социальной критики, и поэтому они достаточно популярны в современных социальных исследованиях, к числу которых и относится данная работа. В то же время тема конкретизирована в рамках отношений отдельной социальной группы и определенного гражданского института, а именно через описание взаимодействия между российским крестьянством и армейской службой второй половины XIX—XX веков, трансформирующегося в течение этого времени из воинской повинности в воинскую обязанность. А сама работа не столько критикует сложившиеся отношения, сколько показывает способы переплавки этих, навязанных извне, отношений в традиционные формы. Фокусом преломления темы стал рекрутский обряд со всеми его составляющими — нормативным и регламентированным ненормативным поведением, практически необходимыми и рационально плохо мотивированными, но предписанными действиями, фольклором, проявленным как в откровенно похабных стихах и частушках, так и в высокохудожественной и глубоко лиричной народной поэзии. Таким образом, материалом для исследования послужило все то, что мы привыкли оценивать с каких-то иных позиций, но только не с точки зрения построения отношений между человеком и государством. Ведь привычным способом раскрытия аналогичных тем остается анализ экономических, правовых, политических и социальных институтов, представленных сухим и схематичным языком официальных документов и статистических данных. Этот обман ожиданий читателя и смещение точки зрения в данной работе с публичного макроуровня в более частные сферы жизни делает исследование Жанны Корминой неожиданным, новаторским и заставляющим посмотреть на привычные жизненные реалии новым взглядом. А специфический, эмоционально и эстетически окрашенный материал, безусловно, придает теме объем и многомерность.

Во введении автор указывает на два способа чтения книги — последовательное ознакомление со всеми главами (1–4) и чтение начиная со второй главы (2–4) (с. 17). Последняя рекомендация наверняка обусловлена какими-то причинами,

как представляется, внешними — уж очень настойчиво Жанна Кормина заявляет о необходимости включения этого раздела в работу, как будто споря с кем-то. Однако педантичный читатель, начавший свое чтение с первой главы — «Источники», даже если он не фольклорист и не этнограф, вряд ли при этом потеряет время. Несмотря на то что эта глава имеет обзорный характер и теоретическое содержание, внимательный читатель может обнаружить в ней много интересных мелочей, касающихся прошлой общественной жизни. Некоторые из них всерьез заставляют задуматься, так ли неизменна и естественна наша само собой разумеющаяся повседневность. Чего только стоит факт, что раньше была вполне официальная возможность заменить прохождение воинской повинности денежным взносом! И это не считалось уклонением от службы! Читатель, занимающийся фольклором и этнографией профессионально, тем более найдет для себя в этой главе много интересного: здесь обозначены многие теоретические вопросы, над которыми можно поразмыслить.

Вторая и третья главы посвящены непосредственно рекрутскому обряду. Эту часть работы отличает обстоятельность подачи материала, который сам по себе уже является языком характеристики ситуации, во многих случаях весьма специфическим, — это этнографические описания и фольклорные тексты. Для читателя этот язык может быть не совсем прозрачен, и авторский комментарий помогает понять его смысл. Тут же проблематизируются некоторые реалии не только рекрутского поведения, но и нашей повседневной жизни, например употребление алкоголя и хулиганство. Автор все время заставляет читателя отходить от привычной позиции критики ненормативного поведения как социального зла и посмотреть на это как на феномен культуры, ее функционирующую в определенном социальном контексте составляющую.

И наконец, последняя глава посвящена темам, которые начинают занимать доминирующую позицию в контексте прохождения армейской службы в современное время. Они сильно отличаются от тех, которые были в эпоху царской России, и, как показывает Жанна Кормина, это не случайно. На протяжении длительного времени задаваемый государством сценарий прохождения службы в армии менялся. Менялись и основные роли, а также соотношение действующих лиц в этом сценарии. Менялось отношение людей к воинской службе, государству, а также менялись сами люди, их социальная идентичность. И несмотря на некоторую интимность материала, а может быть, и благодаря ей, автору удается обозначить крупномасштабные процессы общественных изменений.

Как и любая книга, эта монография содержит много моментов, которые могут стать объектом критики. Но в данном случае мне не хотелось бы отягощать внимание потенциального читателя критическими замечаниями. Пусть он при прочтении сам выстроит собственную критическую модель в соответствии со своими интересами и предпочтениями.

ТУРИСТИЧЕСКИЙ РАЙ: репортаж из Ирана

Михаил Солоненко, факультет этнологии, ЕУСПб

Иран — одно из самых приятных на Востоке мест для путешественников. Можно сказать, что это туристический рай: здесь интересно, недорого и безопасно...

В жизни иранцев трудно заметить что-то экзотическое, специфически восточное. Столица Ирана, Тегеран, современный десятиллионный мегаполис, с небоскребами, метро, километровыми пробками в часы пик. Вдоль проспектов и улиц — бесконечные витрины магазинов, закусок с гамбургерами и сэндвичами, Интернет-кафе... По улицам гуляют или идут (никогда не спешат!) на работу иранцы в европейских костюмах, правда без галстуков. Здесь их не носят, здесь это символ Америки. Молодежь одевается свободно, только шорты, как признак распушенности, под запретом. Единственная ярко мусульманская черта — обязательное для женщин ношение платков (хиджабов). Хотя и это предписание может нарушаться. На вечеринке, куда нас пригласил знакомый иранец, женщины ходили без платков, звучала современная музыка и была... выпивка (спиртное в Иране строго запрещено, но его всегда можно достать в армянском квартале — 30 долларов за литр водки).

С иностранцами иранцы приветливы, вежливы и тактичны. Никакой агрессии или предвзятого отношения к себе мы с приятелем не заметили. Наоборот, зачастую после обеда узнаешь, что за твой обед заплачено, — мол, «гости, добро пожаловать». «Дефицит» зарубежных гостей вызывает не просто любопытство к иностранцам, а практический интерес к ним. В то время как мы старались вообще не смотреть в сторону местных девушек в платках, чтобы случайно не повторить судьбу Грибоедова, они сами подходили знакомиться, чтобы попрактиковаться в английском... И все-таки при путешествии по Ирану необходимо знать хотя бы сотню слов и разговорных фраз на фарси, остальное можно понять благодаря жестуляции.

Хотя военные базы США расположены уже по обе стороны от границ Ирана, а воинственная риторика в Белом доме все громче, я не увидел в Иране никакой подготовки к войне. Никто не роет бомбоубежища, не закупает оружие и противогазы, но по настроению можно почувствовать, что иранцы готовы умереть за родину. Даже не сражаться, а именно умереть, пасть в борьбе за веру. Вообще смерть здесь воспринимается как нечто ординарное, заурядное — не стоит суетиться, все происходит по воле Аллаха. Такое отношение к смертельной опасности больше всего проявляется на дорогах, где выходы наших лихачей — просто детские игры по сравнению с тем, что вытворяют иранцы (на трассе Тегеран — Тегеран я видел 14 аварий и в одну попал сам; и это за один день!). А как они строят дома — на чем все держится?! В древнем глиняном городе Бам мы ночевали в контейнере, так как все другие постройки города погибли от подземных толчков два года назад. Но иранцы, только разобрав завалы, снова строят такие же ненадежные здания.

Города Кум и Мешхед почитаются шиитами как святые. Смысловым центром каждого из них является захоронение (мавзолей): в Куме — захоронение Фатимы (дочери имама Мусы аль-Казима), а в Мешхеде — имама Резы. К таким святыням иранцы со всей страны приезжают на зиярат (паломничество). При входе служители пропускают людской поток, вылавливая из него обладателей крупных сумок или неподобающей (неопрятной) одежды. Для мужчин желательна рубашка с длинными рукавами, женщины же обязаны одеваться в балахоны.

В обширном дворе по краям расположены фонтаны для омовения и камеры хранения для обуви. Дальше путь можно продолжить только босиком. Комплекс мавзолея — это

гигантский лабиринт мечетей и дворов, соединенных между собой. В них паломники, сидя на коврах (женщины с детьми отдельно от мужчин), молятся.

В центральной мечети обычно столпотворение. Одни, закрыв глаза, молятся, другие читают Коран, третьи пытаются прикоснуться к расписной, золоченой гробнице. Никакого внимания на нас никто не обращал, и можно было хоть часами сидеть на ковре около гробницы в вихре людского потока. Но что-то не давало покоя — то ли давление энергетики тысяч неистово верующих, то ли беспокойство за кроссовки в камере хранения, в подошве которых спрятаны двести долларов неприкосновенного запаса...

Фото М. Солоненко

Дверь: «звонок» для женщин — справа, для мужчин — слева

Жесткость и либерализм

Иран считается жестким религиозно-полицейским государством. Отчасти это так, но... Жесткие наказания, предусмотренные за уголовные преступления (отрубание конечностей, экзекуция кнутом и т. п.), давно не применялись на практике. Попивая алкогольные (!) коктейли на вилле одного иранского предпринимателя, а затем гоня в таком состоянии по ночному Тегерану, все члены компании, включая водителя, не испытывали никакого беспокойства. На мой вопрос: «А если “стражи революции” нас заметут?» — персы только улыбались: «Клизму сделают и отпустят!»

Иранские полицейские — это настоящие добряки, не ведающие, что такое взятки. Они с удовольствием фотографируются, никогда не проверяют паспортов и не вымогают деньги. Полиция активна только на границе Белуджистана (восточная провинция Ирана), откуда идет основной поток наркотиков. Там мы сами несколько раз присутствовали при облаве. Я был свидетелем, как у нашего соседа, белуджа, в вещах нашли полкило марихуаны. Когда его уводили, он улыбался, как школьник, сорвавший урок. И это при том, что в Иране за наркоторговлю полагается от 10 лет до смертной казни.

Поскольку в Иране теократия, президент страны ничего не может сделать без одобрения духовного религиозного ли-

дера — аятаоллы Хоменеи (не путать с Хомейни, который был предыдущим). Портреты нынешнего и предыдущего духовных лидеров (часто вместе) можно видеть на всех улицах иранских городов. Государство строит мечети и платит зарплату имамам (около 1000 долларов).

Может быть, потому, что религия стала государственной идеологией, в Иране много противников существующего строя. Многие из тех, с кем в беседах мы затрагивали политические темы, говорили: «Муллы нам надоели!» Молодежь недовольна навязыванием правил поведения, запретом на дискотеки и т. п. Однако недовольство относится только к режиму, но не к религии. В вере иранцы фанатичны. Любое высказывание против Ирана расценивается как выпад против ислама, и это дает мощный стимул к консолидации иранского общества. Люди сотнями тысяч выходят на митинги и демонстрации, забывая обиды на свое правительство.

Обычаи

Сколько народов — столько и обычаев. Иран — многонациональное государство: помимо персов здесь проживают азербайджанцы, лори, курды, арабы, белуджи, туркмены и другие. Главная особенность — жесткое гендерное разделение, типичное для мусульманских стран. Самые наглядные примеры: наличие отдельных женских вагонов в тегеранском

Фото М. Солоненко

Представительница зороастрийской общины в Йазде

Развалины древнего храма огня

метра или разделение городских автобусов на две половины. В старинных городах часто встречаются двери, где для гостей мужчин и женщин разные «стучалки-звонки»: хозяева всегда знают, кому идти открывать.

Необычный регион — побережье Персидского залива, там особая «портовая» смешанная культура, мужчины носят длинные рубахи, а женщины — платья, типа индийских сари. В городе Бандер-Аббас чувствуешь себя участником венецианского фестиваля: большинство женщин, выходя на улицу, одевают яркие красные маски. Быть может это влияние португальцев, которые хозяйничали в регионе в XVI веке.

Самый вечный огонь

Учение Заратуштры было государственной религией в Персии до прихода арабов. Сейчас самая многочисленная община зороастрийцев сохранилась в городе Йазд. В центре города — действующий зороастрийский храм. Войти в него разрешают далеко не каждому, но какая-то неведомая сила убедила привратника пустить нас к святой святым. Главной святыней храма является огонь, по преданию зажженный молнией в 470 году. За огнем присматривают служители, причем для его поддержания используются только абрикосовые

Ремесленник изготавливает медную посуду

деревья. Для того чтобы предохранить святыню от нежелательных контактов, алтарь с установленной на нем чашей, в которой горит огонь, находится в закрытой стеклом нише. Дабы не осквернить пламя своим дыханием, священнослужители во время обрядовых церемоний приближаются к нему только в специальных повязках, прикрывающих рот и нос. Глядя на священный огонь, чувствуешь себя как будто под гипнозом: кажется, что сам становишься огнем...

Известны зороастрийцы и своим погребальным обрядом. Они переносят тела умерших в башни, находящиеся на возвышенности и оставляют животным-некрофагам. Потом родственники собирают кости и захоранивают их в особом сосуде — оссуарии. Такой обряд связан с сакрализацией земли, воды, и огня, которые нельзя осквернять телами умерших. Над Йаздом до сих пор стоят огромные башни, которые называются башнями молчания. Правда, сейчас тела увозят далеко в пустыню.

В Йазде нас учили правильно есть суп. Его подают в горшочках (аб-гушт) и, как нам объяснили, сперва надо выловить картошку, мясо и т. п., а потом специальной «давилкой» размять в отдельной тарелке. Всю эту кашу следует залить

Фото М. Солоненко

Священный город Кум

бульоном и в таком виде поглощать. Если будете есть иначе, от вас не отстанут, пока не научат кушать правильно.

Необычно также то, что в Иране фруктами считаются... огурцы. Любое застолье начинается с фруктов, а заканчивается чаепитием со сладостями. Так вот в вазах, наравне с апельсинами, яблоками и бананами лежат самые обыкновенные огурцы. Как и все другие фрукты, их очищают от кожуры и едят, нарезая кружками.

Иран — одно из самых приятных на Востоке мест для путешествий. По Ирану удобно и комфортно путешествовать:

в любом городе легко найдется гостиница от 5 долларов за номер, с чистым бельем, кондиционером и горячей водой. Современные автобусы ходят по всей стране регулярно (за 1000 км — 10 долларов). Обед на человека в ресторане обойдется 1–2 доллара. Обилие красивой архитектуры, оставшейся от Древней (и не очень) Персии, необычная природа и самобытная культура — все это с лихвой окупает сложности с визой и беспокойство за пребывание на «оси зла».

В поселке красных домов Абиане

Нобелевские премии по экономике: ЛЕОНИД КАНТОРОВИЧ

Юлия Вымятина, факультет экономики, ЕУСПб

Леонид Витальевич Канторович – единственный из лауреатов Нобелевской премии по экономике граждан Советского Союза. Уже один этот факт делает его фигуру интересной. Премия по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля за 1975 год была присуждена Л. В. Канторовичу и Т. Купмансу «за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов».

В речи, представлявшей лауреатов перед вручением Нобелевской премии, профессор Королевской Академии Наук Швеции Рагнар Бенцель отметил, что «основные экономические проблемы одинаковы для любого общества, независимо от типа его политической организации. Поскольку запас производственных ресурсов всюду ограничен, каждое общество сталкивается с кругом вопросов, касающихся оптимального использования имеющихся ресурсов и справедливого распределения доходов между гражданами. Точка зрения, с которой могут изучаться подобные нормативные вопросы, не зависит от политической организации рассматриваемого общества». Этим мастерским вступлением он объединил двух ученых из СССР и США, независимо друг от друга разработавших методику линейного программирования.

Канторович в возрасте 18 лет закончил физико-математический факультет Ленинградского университета, в возрасте 22 лет стал профессором кафедры математического анализа ЛГУ, а годом позже, когда в СССР была восстановлена система академических степеней, получил степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации. К экономическим проблемам Леонид Витальевич, по его собственным словам, обратился достаточно случайно. В 1938 году к нему пришли сотрудники Центральной лаборатории Ленинградского фанерного треста со следующей задачей. Для производства фанеры используются в определенном ассортиментном соотношении восемь сортов шпона и пять разных станков для изготовления шпона с разной производительностью по каждому сорту. Как распределить задания между станками, чтобы получать шпон в нужном ассортименте с наибольшей производительностью? Метода для решения таких задач не существовало, и Канторович придумал новый метод, применение которого было связано с введением вспомогательных коэффициентов, которые он назвал «разрезающими множителями».

Разрабатывая метод для решения задачи о шпоне, Канторович понял, что подобные задачи возникают всякий раз, когда требуется наиболее эффективным образом использовать ограниченные ресурсы. В мае 1939 года он сделал доклад в университете о предложенном им методе решения подобных задач, а позже в том же году была издана его брошюра «Математические методы организации и планирования производства», в которой излагался метод и перечислялись экономические вопросы, в которых он может быть полезен. Можно сказать, что этой брошюрой Леонид Витальевич положил начало тому разделу математики, который впоследствии был назван линейным программированием. Эта работа была переведена на английский язык и издана в США в 1960 году, и Канторович был удостоен за нее почетного диплома Американского общества исследования операций (такое название эта отрасль математики получила в США).

Разработав основы метода линейного программирования, Канторович продолжал исследования в направлении развития алгоритмов для решения отдельных типов задач, развития метода для решения нелинейных задач и задач в функциональных пространствах, распространения метода анализа отдельных производственных задач на общие экономические системы. Написанная им в 1942 году монография «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов» вызвала резкую критику со стороны руководителей Госплана, на обсуждении звучали фразы вроде «Оптимум пред-

лагал еще фашист Парето, любимец Муссолини», а после всерьез рассматривался вопрос об аресте ученого. Несмотря на такой прием, в том же 1942 году Канторович опубликовал результаты своего исследования «О перемещении масс», в котором методы линейного программирования были применены к планированию оптимального размещения потребительских и производственных ресурсов.

Времена постепенно менялись, и в 1944 году Канторович был награжден за разработки военного времени орденом «Знак почета», а в 1949 получил Государственную Сталинскую премию за работы в области функционального анализа. Через несколько лет те, кто всячески клеймил монографию 1942 года, будут осторожно утверждать, что применение математики в экономике должно быть согласовано с самими экономистами, а в 1958 году Леонид Витальевич становится членом-корреспондентом АН СССР по экономическому отделению. В 1959 году злосчастная монография «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов» публикуется в Москве, так как в Ленинградском университете проректор по общественным наукам С. И. Тюльпанов сказал, что книга интересная, но сдавать партбилет за ее публикацию не хочется.

В начале 1958 года Канторович начал работу по подготовке нового поколения ученых-экономистов. Под эгидой ректора ЛГУ А. Д. Александрова и академика Ю. В. Линника на экономическом факультете Ленинградского университета усилиями Л. В. Канторовича и В. В. Новожилова был создан так называемый шестой курс. Обучаться на нем оставили лучших выпускников пятого курса, пригласили несколько молодых сотрудников Госплана, иностранцев из стран соцлагеря и нескольких молодых преподавателей этого факультета. Основная задача студентов шестого курса состояла в более глубоком освоении математики, линейного программирования и его связей с экономикой. В результате работы этого шестого курса на экономическом факультете ЛГУ была создана кафедра экономической кибернетики, существующая и поныне; аналогичные кафедры появились и в других вузах.

Кредо Леонида Витальевича, по мнению профессора В. А. Залгаллера, лучше всего выражает следующая фраза: «У ученого есть право и обязанность говорить правду». Именно этому девизу он и следовал, постоянно отмечая на заседаниях АН СССР отставание экономической науки в СССР, пустоту и бессмысленность большинства отечественных публикаций по экономике. И, верный своей идее оптимизации использования ресурсов, даже загорая на пляже, конструировал оптимальное устройство кабинки для переодевания с точки зрения расхода материала.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КОШЕК

Алексей Куприянов, программа «Развитие социальных исследований образования в России»

Рецензия на книгу: *Н. Е. Копосов. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 248 с.*

«Читали ль Вы?» *А. С. Грибоедов. Горе от ума.*

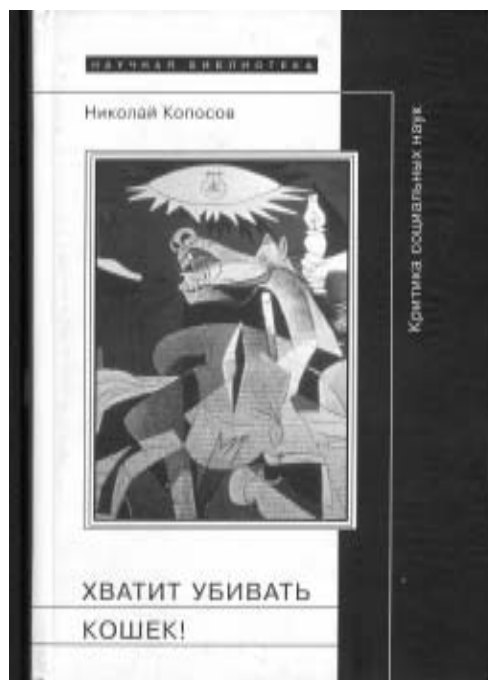
«What I tell you three times is true». *L. Carroll. The Hunting of the Snark.*

Новая книга Николая Евгеньевича Копосова представляет собой собрание шестнадцати очерков, написанных по разным поводам: это доклады на семинарах, рецензии на книги, статьи, в большинстве своем опубликованные ранее в российских и международных изданиях. Их значительную независимость отчасти компенсирует энергичное введение, в котором автору удалось не только наметить общие контуры здания, которое предстоит построить трудолюбивому читателю, но и пояснить в двух словах, о чем все-таки была написана предыдущая книга («Как думают историки»). Очерки объединены в несколько серий, в свою очередь связанных между собой довольно замысловатым образом (например, главы 10–12 «продолжают» главу 3). Центральные темы (связь кризиса социальных наук с глобальной социальной и политической динамикой и с историей университетов, критика понятийного аппарата социальных наук, микроистории и попыток реанимации марксистской аграрной истории в России, а также позитивная программа выхода из кризиса посредством «либерального» образования) многочисленны, некоторые тезисы сформулированы в весьма провокационной форме, что следует отнести к несомненным достоинствам книги, призванной будить мысль.

Однако разбуженная мысль непригодна для сочинения панегириков, да и общее направление, заданное ей «кошками», — критическое. Первое, что бросается в глаза, — форма произведения далеко не безупречна. В книге много повторов, которые, впрочем, не придают аргументу дополнительной убедительности; при этом очерки, несмотря на все усилия, приложенные во введении, довольно слабо связаны между собой, а порой и просто противоречат друг другу в той мере, в которой это позволяет туманный стиль автора. На протяжении всей книги не оставляет ощущение, что она адресована французскому читателю и лишь по какому-то недоразумению опубликована на русском языке. Однако даже если оставить в стороне эти, скорее формальные, придирки, то остается ряд содержательных проблем.

Книга заимствует свое название у рецензии на русский перевод «The Great Cat Massacre» Роберта Дарнтон. Эта рецензия (глава 12) завершает центральную «серию» очерков, посвященных критике «микроистории». Микроистория — старинный враг автора. Еще в 1999 году он написал статью «О невозможности микроистории» (воспроизведена в виде главы 11), в которой утверждалось, что «весь проект микроистории — одна большая логическая ошибка». Суть роковой логической ошибки состоит в том, что «микроистория как логически независимая по отношению к макроистории методологическая перспектива возможна при выполнении двух условий: либо если она откажется от предполагающих обобщение интеллектуальных стандартов, либо если она вырабатывает такие формы обобщения, которые будут логически независимы от тех, на которых основана макроистория»¹.

Объяснив, почему все это невозможно, автор приходит к тому, что «единственный реальный выбор микроистории — между эксплицитной и имплицитной зависимостью от макроистории». Микроистория поставлена на место. Я как читатель должен быть рад очередной победе над порождением снов исторического разума. Развивая метафорическое наступление, автор поясняет, что, обратившись к микроанализу, все социальные науки и сами словно бы занялись постыдным, мелким и бесчеловечным делом избития кошек²

(вспоминается «уж мы их душили-душили...», становится совсем совестно... Шариковым от социальных наук не место в интеллектуальной элите). Однако все, что мне известно по поводу микроистории и микроанализа в *science studies* (автор почему-то считает это продуктивное направление, с которым связано все лучшее в истории науки, что случилось с ней за последние тридцать лет, совершенно бесплодным³), говорит о другом. С того момента, как мне впервые довелось прочесть «О невозможности...», не оставляет ощущение, что представления самого автора о логической ошибке, на которой основан проект микроистории, в свою очередь основаны на глубоком содержательном недоразумении.

За микроисторией стоит неподдельный интерес к жизни «маленьких» людей, которые не заметны с высоты птичьего полета «макросоциальной» истории или истории про королей и героев⁴. За ней стоят новые документы — не из центральных, а из периферийных архивов; материалы тяжко между крестьянами, а не дипломатическая переписка и дневники придворных; прагматика исторического письма, а не формально-логические упражнения по поводу категорий универсального, индивидуального и специального. Необходимость выбора одного или немногих объектов диктуется в микроистории сугубо прагматическими соображениями. Достаточно насыщенное описание должно быть втиснуто в определенный объем текста. Полтора-два листа на статью. Десять-пятнадцать листов на книгу. Можно написать понемногу обо всем или все о немногом. Мы либо пишем историю химии с древнейших времен до наших дней, либо сосредоточиваемся на нескольких конкретных эпизодах, пытаясь разобраться с тем, как организация системы научных практик влияла в том или другом случае на конечный результат — производимое знание. Почему-то хочется выбрать второе. Невозможно наполнить журналы и книжный рынок сотнями историй химии с древнейших времен до наших дней. Это не интересно ни читать, ни — главное для историков — писать.

С неприятием микроанализа удачно сочетается своеобразное представление о кризисе социальных наук. Автор, как и многие зарубежные коллеги, видит его прежде всего в кризисе релевантности социального и гуманитарного знания. Однако, если перейти от лозунгов к деталям, то станут заметны существенные различия во взглядах на природу кризиса. Н. Е. Копосов связывает кризис релевантности с распадом системы глобального противостояния между коммунизмом и либеральной демократией. В этой ситуации социальные науки, обслуживавшие либеральную идеологию и занимавшиеся деконструкцией коммунистической, остаются без генерального заказчика. Американские, например, историки

тоже пишут о кризисе релевантности. Для них он выражается в том, что студентам в колледжах трудно объяснить, зачем надо изучать историю, литературу и т. п., в том, что на рынке академического труда предложение превышает спрос: молодых и талантливых исследователей не спасают даже нарабатанные схемы академической мобильности (забегая вперед, замечу: о распаде системы основных исторических понятий нет ни слова). Совсем другой горизонт релевантности, другие проблемы. Приятно участвовать в «великих» исторических процессах, размышлять о глубинных структурах исторического сознания...⁵ студенты?.. кадровая политика?.. это как-то мелко...

Зато у Н. Е. Копосова распад системы основных исторических понятий и проблемы с терминами базового уровня, используемыми для описания социальной структуры, — важнейшие аспекты кризиса социальных наук. Посвященные этому очерки (главы 5–8) — одно из самых интеллектуально напряженных мест книги. Тема кризиса основных исторических понятий связана с проектом «Словаря основных исторических понятий» Р. Козеллека. Развивая эту традицию, Н. Е. Копосов в предыдущей книге анализировал понятия «история» и «общество». В этой он сосредоточил свое внимание на «культуре» и «демократии». История понятий всегда казалась мне одним из множества историко-научных сюжетов. Тем занятнее смотреть, как автор пытается писать в этом жанре, решительно отбросив все наработки в области методов истории науки за последние три десятилетия. Еще в программной главе «Что такое критика социальных наук?» (глава 2) он отказывается от методологического монизма, пытается собрать под свои знамена «сильную программу» социологии научного знания, лингвистику, семантику исторических понятий и логику. Нетрудно предсказать, что эти воины не будут долго сражаться бок о бок. Социология знания бежит первой. В результате у понятий исчезает употребление в различных контекстах действия и появляется «значение», задаваемое, скорее, каким-то высшим разумом (сознанием?), у сознания в изобилии появляются *собственные* социально-необусловленные формы, а в роли социальных групп и исторических акторов в главах, посвященных понятию «культура», выступают мифические «психологи-бихевиористы», «лингвисты-менталисты» и «имаджинисты». Вообще, читателей ждет много интересного. Мне, например, показался поразительным контраст между глубокими сомнениями по поводу «истории», «общества», «культуры» и «терминов базового уровня», с одной стороны, и непоколебимой уверенностью в эвристической ценности концептов типа «механизмы тоталитарного сознания» — с другой.

Проблема с «терминами базового уровня», используемыми для описания социальной структуры, затронута в «Хватит...» лишь вскользь, поскольку ее рассмотрению в большей мере была посвящена предыдущая книга («Как думают историки»). Суть ее сводится к следующему⁶. Как ни выделяй социальные группы: путем ли деления общества на формальные классы, сущность которых сформулирована в понятиях социальных функций, путем ли объединения отдельно взятых атомизированных индивидов по «семейному сходству», — выделенные группы не способны проявить себя как акторы исторического процесса. В результате «великая» социальная история (в традиции Анналов, едва ли не единственного направления исторической мысли, с трудом заслуживающего похвал сурового автора) не пишется... Не вполне ясно, почему эта проблема, сформулированная достаточно ясно еще в предыдущей книге Н. Е. Копосова, до сих пор остается нерешенной. Нет ничего удивительного в том, что социальные группы не выступают как предсказуемые исторические акторы. Социальное действие разворачивается в сложно организованных сетях. А раз так, то для описания исторических изменений нам нужно обратиться не к проблеме классификации людей, искусственно вырванных из контекста действия, а к анализу организации, воспроизводства и перестройки сетей социального действия. Но этими вопросами занимаются как раз в рамках микроанализа, который представляется автору непродуктивным, на уровне организаций, а не всего общества

в целом⁷. Справедливости ради следует отметить, что автор анализирует связь эволюции социальных наук с историей университетов (глава 17), однако и там все рассмотрено с высоты птичьего полета. На протяжении всей этой главы не оставляет ощущение нехватки мелких деталей, которые позволили бы жестче привязать характер производимого социального знания к процессу его производства. Но автор последователен в своей неприязни к мелочам.

Однако бог деталей (или дьявол, затаившийся в них) в свою очередь хоть и любвеобилен, но мстителен. В нелюбви автора к деталям есть изрядная доля взаимности. Детали его тоже не любят. Вот, например, еще две мелочи, которые представляются довольно симптоматичными. Во-первых, какая-то горькая ирония видится в том, что автор, долго и обстоятельно обсуждающий философские аспекты образования имен и понятий, при сопоставлении особенностей биологических и социальных классификаций путается в именах, приписывая Роберту Оуэну (социалисту-утописту) взгляды Ричарда Оуэна (его современника, зоолога)⁸. Во-вторых, можно попробовать провести среди читателей конкурс на тему «К чему на обложке книги воспроизведены фрагменты “Герники” П. Пикассо?» (к слову сказать, без указания автора и названия произведения, что не соответствует издательской практике, но удачно сочетается с элитистским настроением очерков: кто не знает, сам виноват)⁹.

Несмотря на все это, если меня спросят, читать или не читать, я отвечу — читать. Непременнo читать, и не только потому, что в высшей степени проблематичное видение автором кризиса социальных наук действительно побуждает к размышлениям. В книге, помимо общеметодологических рассуждений, есть просто интересные истории и тонкие наблюдения, наконец — очерк о замечательном историке Ю. Л. Бессмертном (1923–2000).

Примечания

¹ Копосов 2005: 158. Надо сказать, что только в нашем отечестве микроистория ассоциируется с какими-то диковинными, совершенно уникальными и ни к чему не сводимыми казусами (на эту тему есть даже специальный альманах), ни к чему не привязанными сингулярными высказываниями/понятиями и т. п. В мировой практике логический аспект микроистории — тестирование на эмпирическом материале (описываемом конкретной совокупностью сингулярных высказываний) ранее сформулированного умозрительного обобщения (гипотезы, имеющей вид строго универсального высказывания). Если умозрительное обобщение не выдерживает столкновения с эмпирическими данными, придется выработать новые гипотезы, которые затем могут быть протестированы при анализе новых конкретных случаев. Все почти по Понперу. Микроанализ выполняет роль тщательного поставленного опровергающего эксперимента.

² Копосов 2005: 6.

³ Возможно потому, что в книгу не успела попасть рецензия на сборник переводов К. Гинзбурга, в которой среди критических замечаний мелком говорится о том, что микроистория «дала замечательные результаты». См. Копосов Н. Е. Дьявол в деталях. (По поводу книги Карло Гинзбурга «Мифы — эмблемы — приметы») // НЛО. 2004. № 65.

⁴ Эта «идеологическая» составляющая микроистории («выражение гуманистической демократической идеологии») почему-то кажется Н. Е. Копосову «увы, несвоевременной». Хорошо еще, что он добавляет «увы»... (Копосов 2004).

⁵ Не знаю, какие ассоциации должна была вызвать эта история про нелегкую долю социальных наук в свете краха мирового противостояния у гипотетического французского читателя, но у меня, выросшего еще в СССР, на первом месте стоят И. Ильф и Е. Петров: «Лоханкин и трагедия русского либерализма» (Золотой теленок, гл. XIII: «Васисуляти Лоханкин и его роль в Русской революции»).

⁶ За недостатком места я оставляю без подробного рассмотрения то, что Н. Е. Копосов с самого начала исходит из несколько устаревшего представления о «терминах базового уровня», особенно в той части, в которой это относится к биологическим классификациям. Если все переделать исходя из посылок более отвечающих современному состоянию исследований в области имплицитных принципов «народных таксономий», то это несколько изменит намеченную автором картину эволюции представлений о «терминах базового уровня», но не то главное, ради чего все затеяно, — подход к написанию истории как результату взаимодействия социальных групп.

⁷ Российскому читателю можно рекомендовать для первого ознакомления с проблематикой теории сетей действия статью Б. Латура «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир» (Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242).

⁸ Копосов 2005: 96. Эта путаница перекликается с примерами дивных исторических копипастов в «Апологии истории» М. Блока, одного из немногих авторов, к которым Копосов относится позитивно.

⁹ Для сравнения: у критикуемого Н. Е. Копосовым Р. Дарттона на обложке «The Great Cat Massacre» помещены фрагменты гравюры Уильяма Хогарта «First Stage of Cruelty» (1751) с изображением детей, мучающих кошек. Вряд ли придет в голову спросить: «К чему бы?»...

И НАД ХОЛМАМИ ТУЛЬЧИНА...

Не родился еще тот народ, который не смогли бы изучить слушатели и выпускники ЕУСПб. И евреи, с их хваленой избранностью, тут не исключение — в июле в городе Тульчине Винницкой области (Украина) прошла полевая школа по еврейской этнографии.

Валерий Дымшиц, Центр «Петербургская иудаика», ЕУСПб

Сближение города с деревней здесь благополучно идет к концу, хотя все еще, к сожалению, не завершено. На пороге дворца Потоцких мирно колосятся (или что они там делают?) буряки. Дворец большой (для дворцов размер — эстетическая категория), раза в полтора больше, чем дворец в Павловске. Строил его француз Лакруа (он еще построил одно из крыльев Лувра). Точно по оси дворца — Доминиканский костел, увенчанный православным крестом. Дальше — петербургского пошиба казармы, штаб Южной армии (Суворов, Пестель, Пушкин, наконец...). В общем, самое место изучать еврейскую этнографию.

Хмурое утро в холле гостиницы «Подольянка» (угадайте, как ее называли участники школы?): «Саша, дай бабушку», — канючат молодые. «Вам какую, украинку или еврейку?» — сурово спрашивает А. Л. Львов, листая заветный блокнот с адресами. «Нам хоть какую-нибудь», — лучшие бабушки и дедушки разобраны, к ним ушли знающие идиш. Согласитесь, смешно записывать волшебные сказки на русском, если тетя Песя может исполнить их на идише. Завистливые молодые дают себе зарок к следующему сезону сделать идиш своим *маме-лошн* («материнским языком»). Поживем — увидим.

Евреи малого города, евреи с отчетливо проявленной этничностью, — явление экзотическое. После Второй мировой войны изучение фольклора и этнографии евреев Восточной Европы считалось невозможным. Теперь, когда после войны прошло 60 лет, время, по общему мнению, упущено. Но время всегда упущено. Когда в 1912 году «отец еврейской этнографии» Семен Акимович Ан-ский собирался в свою первую экспедицию, он тоже утверждал, что у него последний шанс собрать остатки былой народной культуры. Нам

Фото О. Габе

Брошенный еврейский дом

Фото М. Трескунова

Вечерний семинар

бы его заботы! Кстати, итогом экспедиций Ан-ского стала фольклорно-этнографическая программа «Человек», содержащая 2072 (!) вопроса и актуальная до сих пор. Повитухи, знахарки, *ништгуте* («недобрые», в смысле «нечистые»), сватовство, *ихес* («родовитость»), *клезмеры* («музыканты») *ун мале вос нох* («и мало ли что еще»).

Город Тульчин населен русскими (которых последнее время все чаще называют украинцами), евреями и демонами. Две последние группы старожильского населения стремительно убывают: «После войны чертей совсем не стало» (из интервью). Но все равно картина получается очень сложная. Социальная оппозиция (город — деревня) накладывается на этническую (евреи — украинцы), конфессиональную (иудеи — православные, а есть еще и католики) и языковую (идиш — украинский или, скорее, суржик). Город, как было сказано, сближается с деревней, и немалую роль в этом играет исчезновение евреев. Все, что можно узнать от жителей бывшего местечка, евреев и украинцев, животрепещуще интересно, поскольку затрагивает проблемы, которые еще толком не сформулированы.

Экспедиция в Тульчин, организованная Центром «Сэфер» (Москва) и Центром «Петербургская иудаика» (ЕУСПб), официально называлась школой. И это было не только формальное соответствие требованиям спонсора — Фонда «Ави Хай», но и отвечало существу дела. Участники школы все время учились: кто-то — новым для себя методам полевой работы, кто-то — работе с новой для себя культурой и в новом регионе, кто-то — тому и другому. Еврейское «поле» — новое «поле» не только для абсолютного большинства участников школы. Это практически первая за последние 70 лет экспедиция, посвященная этнографии евреев Восточной Европы. Группа из 20 человек, ядро которой составлял *a наш брат* («наши люди»), люди из ЕУСПб, за две недели в Тульчине собрала и привезла 130 часов записей, кучу вопросов и жгучее желание снова вернуться в Подолье.

Вероятно, Пестель, когда жандармы увозили его из Тульчина в Петербург, испытывал то же горестное чувство, которое испытали мы все, когда две недели прошли и нам пришлось проследовать по тому же маршруту.

Анна Кушкова, факультет этнологии, ЕУСПб

Чем занимаются нормальные люди в долгой дороге? Едят, спят, смотрят в окно. Ну, могут играть в карты или читать детективы. Мы нормальными пассажирами не были. Кроме приключения в славном белорусском городе Жлобине, где наш поезд был взят на abordaj толпой продавцов игрушек

(любого цвета, любого размера, для любого возраста — порауйте детишек и поддержите местное производство!), мы больше ни на что не отвлекались. Мы учились. Штудировали тот самый ужас, кажется, обрастающий мифами опросник, от которого после сокращения осталось всего... 1700 вопросов.

Почти для всех это было новое «поле», и такие слова из опросника, как *тахрихим*, *кришмелеенен*, *тхинес*, *капорес*, *кеверувес*, вызывали некоторую дрожь. Унять ее мог только реб Мойше, наш всезнающий и терпеливый со-участник, — и это ему вполне удалось. Правда, в том, что касается языка (а это оказался не просто идиш, а украинский идиш), то в первые тульчинские дни многие, как мне кажется, были солидарны с мнением одного из наших информантов: «Украинцам трудно выговорить имя Абрам, оно у них поперек горла стоит». День, когда у последнего участника экспедиции это чувство прошло, был днем завершения инициации в новое «поле». Произошло это, по моим ощущениям, довольно быстро.

Время и пространство

Хронология Тульчина, если не иметь в виду совсем далекое прошлое с графом Потоцким, его красавицей-любовницей, Суворовым или Пестелем, делится на две части: «при евреях» и «сейчас». Правильно обозначить период, который вас интересует, — значит спросить информанта так: «А как у вас здесь при евреях праздники праздновали?»

Где время, там, как известно, и пространство. Мы об этом, конечно, скоро и много чего напишем, пока же можно поделиться новой методикой изучения традиционной культуры. Так, очень эффективны лекции на... кладбище, где *мацевы* («надгробия») выступают в качестве наглядного пособия. Желательно, конечно, чтобы с вами был такой специалист по этим самым мацевам, какой был с нами, — Борис Хаймович. А вот свадьбы на кладбище нам увидеть не удалось — они там бывают только во время эпидемии чумы или другой напасти. Тогда евреи между могилами ставят *хулу*, женят бедняков и сирот. Очень, говорят, от эпидемий помогает.

А вот покойники и у евреев, и у русских бывают «неправильными»; от тех и других земля может «отказываться». О своем враге можно сказать: «*Зол им аройсворфен*» («чтоб его из земли выбросило»). Это, что называется, уже «общечеловеческое».

Наши «кучки»

Украинцы говорят: «Евреи собираются в кучки, и идет дождь» («кучки» — это Кушей, праздник Суккот). На тульчинскую погоду грех было жаловаться, хоть и собирались мы в одну большую кучу каждый вечер, рассказать, какую классную бабушку (или дедушку) удалось «откопать». Некоторым везло особо. Ну, это как всегда — на кого-то информант лучше «идет». Лучшие информанты, как еврейские, так и украинские, быстро «кончились» и приходилось полагаться на полевую интуицию. Общая «куча» получилась впечатляющая: мы до сих пор не можем понять, сколько же часов интервью мы записали — 130 или 150?

Кошерно, но вкусно

Вы когда-нибудь пробовали *кигл*? А *кигл* из *мацы*? А *цимес-фасолес*? Вы не знаете разницу между *гефилте* и *гехакте фиш*? Так вот я вам скажу — у вас не было настоящей полевой практики. Рядовые участники экспедиции не знали долгой истории переписки ее организаторов на тему «от *машгиах* зависит едва ли не весь успех экспедиции» (*машгиах* — это человек, который наблюдает за тем, чтобы пища была съедобной, то есть кошерной). С *машгиахом*, Леей, нам страшно повезло. Была, конечно, и у нас такая «мифологическая еда», про которую мы только слышали — *флудн*, *лейкех*, *земелах*, *бойм-биллес*, но наши праздничные (субботние) трапезы не оставляли сомнений в том, что у человека в этот день появляется вторая душа. Или, по крайней мере, второй желудок.

Думаю, именно поэтому, когда одной из участниц экспедиции во время субботней трапезы позвонили из дома, она сказала: «Мама, сейчас говорить не могу, у меня шабат...»

Зинг же мир а лиделе аф идиш

Субботний день, а, впрочем, не только он, обычно кончался песнями. *Аф идиш* и не только на идише. Начинали наши главные *хазоним* («певцы»), Валя с Митей, а потом к ним присоединялись и все остальные. И над холмами Тульчина звучали песни, будя в стариках воспоминания о далеком прошлом, а у нас — желание вернуться сюда.

Фото М. Трескунова

ТРЕТЬЯ ЛЕТНЯЯ СЕССИЯ

проекта «Прикладная макроэкономика»

Юлия Вымятина, факультет экономики, ЕУСПб

Факультет экономики ЕУСПб провел третью летнюю школу в рамках проекта «Региональный семинар по улучшению качества преподавания: прикладная макроэкономика». Работа школы традиционно проходила в отеле «Балтиец» в поселке Репино на берегу Финского залива в период с 17 по 31 июля. Проведение последней летней школы, как и всего проекта в целом, было поддержано программой HESP (Институт «Открытое общество», Будапешт).

В работе третьей летней сессии приняли участие очно 22 участника из России, Белоруссии, Монголии, Польши, Румынии, заочно — 2 участника из Армении и Украины, а также преподаватели из Великобритании, Франции и России. Динамика состава участников проекта за три года показала, что для того чтобы выдержать три года работы в проекте, нужна очень сильная мотивация, помощь и поддержка коллег по проекту. Только за последний год пятеро участников выбыли из проекта по разным причинам (смена деятельности, рождение ребенка).

По традиции летняя сессия проекта началась с конкурса. Конкурсу предшествовало крещение всех участников и преподавателей проекта морской водой и торжественный спуск на воду корабля третьей летней сессии под командованием капитана Войцеха Харемзы, первого помощника капитана Юлии Вымятиной и боцмана Екатерины Селезневой. В результате конкурсов, на которых участники нарисовали ученого-макроэкономиста, работающего в международной команде своих коллег, проиллюстрировали с большим юмором решение теоретико-игровой задачи на основе военной операции Второй мировой войны, а также, как настоящие морские волки, доброжелательно забинтовали различные части тел своих сотоварищей, было выявлено, что боевой дух присутствует, настроение бодрое и что к встрече с исследовательскими проблемами команда корабля готова.

В соответствии с логикой развития трехлетнего проекта третья летняя сессия была посвящена представлению и

Рабочий момент школы

обсуждению индивидуальных и групповых проектов участников, доработке их с учетом высказанной коллегами конструктивной критики и представлению некоего плана работ по доработке проекта в течение ближайших нескольких месяцев. По ходу дела менялся состав исследовательских команд, некоторые команды из международных превращались в команды одной страны, но с неожиданными сочетаниями институциональной принадлежности участников. Интересным примером может служить команда Виктора Войцеховского (Варшавская школа экономики) и Гжегоша Огонька (экономический факультет Университета Варшавы) — в Польше сотрудничество между этими институтами сводится практически к нулю из-за большой конкуренции, поэтому совместная исследовательская работа поляков в рамках нашего проекта является своего рода уникальным фактом.

С целью расширения общего кругозора участников, а также более глубокого освещения некоторых проблем преподаватели прочли несколько тематических лекций: «Продвинутые методы эконометрического анализа» (проф. В. Харемза, Лейстерский университет, Великобритания), «Метод Монте-Карло» (доц. С. Б. Макарова, ЕУСПб), «Теория портфельного выбора» (проф. Б. Харрисон, Ноттингемский Трент университет, Великобритания), «Является ли инфляция стационарной?» (д-р Д. Христова, Сити университет Лондона, Великобритания), «Взаимосвязь экономического роста и пенсионной системы» (д-р С. Ламбрешт, Университет Лилля, Франция), «Экономический рост и распределение национального дохода» (доц. К. Ю. Борисов, ЕУСПб).

Помимо презентаций проектов участников и лекций преподавателей, желающие осваивали программный эконометрический пакет «Гаусс» под руководством В. Харемзы, Д. Христовой и С. Б. Макаровой, активно консультировались с преподавателями и коллегами относительно своих проектов, пели караоке на польском и русском языках, ходили в театры, рискуя пропустить последнюю электричку, осваивали русский язык и разнообразные сорта пива. Крайне интересной оказалась экскурсия в Кронштадт, где участники, помимо знакомства с историей этого необычного города, активно загадывали желания.

Участники высоко оценили качество лекций и учебных материалов, подготовленных преподавательским составом школы, количество и качество замечаний и предложений к их исследовательским проектам, организацию школы. Край-

«Кухня» школы:

современные технологии тиражирования материалов

Фото из архива летней школы

На экскурсии в Кронштадт

не востребованным стало подключение к Интернету и доступ к электронной базе статей EBSCO, которая многим участникам из провинциальных университетов дала возможность получить необходимые для работы материалы. Не менее востребованной стала и выданная каждому участнику книга К. Катбертсон и Д. Нише «Quantitative Financial Economics», которая будет полезна не только участникам школы, но и их коллегам.

Разъезжаясь по домам, участники летней школы увозили с собой новые планы относительно своих исследовательских проектов, которые должны быть завершены к апрелю следующего года, а также долгосрочные прогнозы общения. А на факультете напоминать о проекте и его участниках из Монголии будет замечательный монгольский пейзаж, привезенный из Улан-Батора Герелмой Элзий-Орших и Энхх-Амгалан Доржготов.

*С. Б. Макарова и В. Харемза:
импровизированный концерт на закрытии школы*

*Организаторы школы и монгольские участницы
с монгольским пейзажем*

Фото из архива летней школы

FROM HISTORY TO HISTORIES: первая летняя школа

С 1 по 14 августа в загородном отеле «Райвола» (Рощино) прошла первая летняя школа «From History to Histories: Teaching the Past from a Local Perspective», организованная факультетами истории и этнологии ЕУСПб при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (HESP ReSet). Участниками школы стали молодые преподаватели из 14 городов России, а также Армении, Белоруссии, Молдовы, Украины и Узбекистана. Среди преподавателей были как профессора ЕУСПб – Б. И. Колоницкий, М. М. Кром и С. А. Штырков, так и специалисты из других стран – С. Вельченко (Торонто), В. В. Кравченко (Харьков), В. Сандерленд (Цинциннати), П. В. Терешкович (Минск), Х. Ян (Кембридж). Слушатели оказались на удивление единодушными в оценке школы.

Иван Соколовский (преподаватель, Новосибирский государственный университет). Участники, приехавшие в Санкт-Петербург вечером 30 июля, начали знакомиться на следующий день еще в отеле за завтраком. Взаимное знакомство продолжилось на Гагаринской. После кратких приветственных слов Михаила Крома, Ильи Утехина и Екатерины Правиловой, участники школы, каждый украшенный веселой зеленой табличкой со своим именем и нагруженный двухкилограммовым ридером, стали садиться в автобус.

Через полтора часа автобус доставил всех в пансионат «Райвола», расположенный в поселке Рощино на Карельском перешейке. Комфортабельные условия проживания (шведский стол, одноместные номера), чудесная природа (сосновый лес, в полукилометре — пруд) и погода (почти каждое утро затяжной дождь на полдня) — все способствовало продуктивной работе.

Описать работу летней школы трудно, почти невозможно, поскольку главное на мероприятиях такого рода — это постоянное общение. Актуальные вопросы обсуждались не только в ходе лекций, семинаров и презентаций, но и за обе-

дом, завтраком и ужином. Да и во время прогулок по дорожкам «Райволы» можно было видеть оживленно беседующих участников школы. В калейдоскопе тем складывался сложный узор современных проблем исторического знания. Советские диафильмы оказывались связанными с «конструированием идентичности», а оно, в свою очередь, — с «местами памяти» и «политикой памяти». Ранняя история Нижегородского края переплеталась с историей армян средневекового Львова. Российская империя сравнивалась с Британской, а советская пропаганда — с идеологической мобилизацией времен Первой мировой войны. Во всем этом просматривались антропологический и микроисторический подходы. И только истории «с высоты птичьего полета» участники школы старались избегать.

«Внеконкурсная программа» была представлена тоже весьма внушительно. В свободное от обязательных занятий время участники просмотрели ряд фильмов, программу об

Закрытие школы на катере «Моби Дик»

Внеконкурсная программа: футбол

Виллард Сандерленд

истории диафильмов, прослушали презентацию о работе Центра устной истории ЕУСПб по сбору воспоминаний русских переселенцев Западного Приладожья. Во время выездной экскурсии на Марсово поле Б. И. Колоницкий рассказал о том, как формировался «миф Февраля».

Две недели школы пролетели незаметно. Участники расставались с трудом. Горечь разлуки смягчалась надеждой на новую встречу. Ведь школа рассчитана на три года.

Сергей Добренький (преподаватель, РГГУ, Москва). Эта летняя школа была моим первым опытом участия в таких мероприятиях, поэтому сравнивать мне не с чем. Но и как новичок я могу поделиться своими открытиями и впечатлениями. Одним из них стало то, что, оказывается, можно заставить себя учиться летом (!) с 10:00 до 16:30 (с часовым перерывом на обед). Помогли в этом нелегком деле те преподаватели, которые мастерски дирижировали семинарами и... Нет, не занимались художественным чтением лекций, но угощали плодами своих научных исследований, провоцируя и поощряя диалоги и дискуссии. Кстати, отличное питание и замечательные бытовые условия также способствовали процессу освоения (и усвоения) новых знаний.

Однако главным положительным итогом летней школы я считаю знакомство и общение с коллегами-преподавателями вузов из многих регионов России, а также из стран СНГ. Именно в кулуарах происходило наиболее интересное и не ограниченное временными и формальными рамками обсуждение научных, педагогических и прочих проблем. Поиск ответов на волнующие наше профессиональное сообщество вопросы иногда затягивался до полуночи, превращаясь в своеобразный круглый стол, а роль медиатора могла играть бутылка недорогого вина. Посылая друг другу «меседжи» и делясь разными «кейсами», у нас сформировалось локальное «комьюнити» со своим «айденити». Но если говорить серьезно, то и вправду на этой летней школе сложились командный дух и взаимопонимание между слушателями и преподавателями, объединенными интересом к проблемам исторической антропологии, микроистории, исторической памяти.

Подводя итоги, можно констатировать, что первый блин не вышел комом, и пожелать дальнейшего развития проек-

ту «От истории к историям» и плодотворного сотрудничества и сотворчества всем участникам следующих летних школ.

P. S. Отдельное человеческое спасибо хочется выразить координатору проекта Кате Мельниковой за ее внимание и искреннюю заботу и помощь.

Ирина Реброва (преподаватель, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар). Закончившийся учебный год был, как всегда, нелегким. Обычная напряженная работа на кафедре совпала с защитой кандидатской диссертации. Тем не менее, увидев в рассылке информацию о летней школе в Европейском университете в Санкт-Петербурге, не задумываясь, решила попробовать свои силы. Счастью не было предела, когда прочитала письмо о результатах отбора студентов. Потом почти сразу испугалась — не может быть, это злая шутка. На работе все коллеги в один голос говорили, что в Интернете все не по-настоящему. Полтора месяца сомнений закончились приездом в Санкт-Петербург. Нас поселили в отель, и тут я поняла, что это действительно, причем очень неплохая.

Работа школы превзошла все ожидания. Правда, поначалу многое вызывало недоумение: преподаватели величают себя по имени, лекции ведутся в форме диспутов на заданную тему, интересующие тебя детали можно узнавать и за обедом, и в кулуарах — обмен информацией был фактически круглосуточным. И на каком-то этапе стало понятно, что по-другому невозможно было построить отношения со студентами — вполне успешными преподавателями и административными работниками в своих регионах.

Летняя школа подарила каждому из нас не только радость общения с талантливыми преподавателями, новые знания, но и возможность продолжительных научных контактов с молодыми и перспективными учеными из различных городов России и стран СНГ. Надеюсь, творческий потенциал участников первой летней школы не иссякнет в течение учебного года, и мы сможем продолжить наше плодотворное общение в том же составе в скором будущем.

Художественные сокровища Санкт-Петербурга

Екатерина Рейнина, факультет истории искусств, ЕУСПб

С 7 по 14 августа на факультете истории искусств прошла традиционная летняя школа для иностранных слушателей. Эта школа была восьмой по счету и в этом году носила название «Художественные сокровища Санкт-Петербурга: императорские шедевры западноевропейского искусства». Школа была посвящена теме создания коллекций западноевропейского искусства российскими императорами начиная с Петра I и заканчивая Николаем I.

В занятиях школы в этом году приняли участие девять слушателей от 21 года до 74 лет. Среди них был только один специалист, профессионально связанный с историей искусств, остальные участники представляли просвещенную любительскую среду, интересующуюся российской историей и культурой. Трое слушателей участвовали в работе школы во второй раз.

Общие рамки программы были традиционными для летней школы: большая часть лекций и семинаров проходила в фондах музея, недоступных для широкой публики, дни занятий делились на «внутриэрмитажные» и «внеэрмитажные» (по шесть учебных часов в день).

«Эрмитажные» дни состояли из лекций и семинаров. В начале программы участников школы приветствовал директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский, который не только рассказал об истории и современном положении крупнейшего российского музея, но и раскрыл долгосрочные планы и проекты Эрмитажа.

Мне очень понравилась программа, особенно семинары, посвященные костюму и рисунку. Это были просто потрясающие занятия! К сожалению, у нас было недостаточно свободного времени для самостоятельного осмотра Эрмитажа и знакомства с другими достопримечательностями Петербурга – все наше время занимала школа. Спасибо за уникальный опыт! (Элис Стивенс)

Базовым для этой школы стал курс лекций, прочитанный преподавателем факультета истории искусств ЕУСПб Р. Г. Григорьевым и освещавший коллекционерскую деятельность российских императоров от Петра I до Николая I, а также специфику эрмитажного собрания западноевропейского искусства.

Р. Григорьев рассказывает о коллекционерах гравюры

Поездка в Царское село с А. Ларионовым

Девять семинаров, проведенных в рамках школы, были, несмотря на общую западноевропейскую направленность, очень разнообразными. Семь из них прошли в фондах Эрмитажа и были посвящены собранию западноевропейской гравюры и рисунков, а также голландской живописи в коллекции Романовых, императорскому фарфору, западноевропейскому костюму и вышивке, прикладному искусству западноевропейского средневековья в коллекции Эрмитажа, золотым кладовым Эрмитажа.

Семинары, проходившие в фондах Эрмитажа, дали слушателям школы уникальную возможность непосредственно

Самые ценные костюмы Эрмитажа

Фото Е. Рейниной

Прогулка по Эрмитажу. Р. Чемберс в зале Рембрандта

познакомиться с предметами хранения, редко или никогда не попадающими на открытые экспозиции.

Для меня большая честь участвовать в работе школы и видеть то, что находится не в галереях и залах музея, а скрыто от глаз публики (Руфус Чемберс)

«Внеэрмитажных» дней было два — поездки в Петергоф и Царское Село под руководством А. О. Ларионова произвели неизгладимое впечатление на слушателей.

Все участники активно посещали лекции, семинары, туры и участвовали в дискуссиях. Во время прощального приема в Золотом зале ЕУСПб слушатели ответили на вопросы предложенной им анкеты и написали о своих впечатлениях.

Все они одобрили программу в целом, высоко оценили уровень лекций и семинаров и сообщили, что будут рекомендовать школу своим знакомым. Многие написали о своем опыте как об уникальном.

В. Чемберс изучает западноевропейские рисунки

В залах Царскосельского дворца

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: от дня рождения до юбилея

Капитолина Федорова, редактор книги

Мы продолжаем публикацию отрывков из готовящейся к изданию книги «Европейский университет от «А» до «Я» и дальше. Не всегда серьезный словарь основных понятий и терминов». Закончилось лето — пора каникул и отпусков. Однако для многих, посвятивших себя научной жизни, воспоминания о лете оказываются связаны не только с лежанием на пляже или возделыванием дачного участка, но и с участием в разнообразных летних школах. Им и посвящена сегодняшняя публикация.

Летние и зимние школы занимают довольно значимое место в научной жизни многих преподавателей, сотрудников и слушателей ЕУСПБ. С одной стороны, Европейский университет за последние годы накопил значимый опыт в организации подобных мероприятий как непосредственно в собственных стенах, так и «на выезде», с проживанием участников на лоне природы, где ничто не отвлекало бы от погружения в научную среду. С другой стороны, и преподаватели, и выпускники, и слушатели ЕУСПБ выступают активными участниками различных школ, проводимых в самых различных уголках земного шара, — в зависимости от опыта и научного статуса в качестве приглашенных преподавателей или успешно прошедших конкурсный отбор участников.

Многие школы, проводимые Европейским университетом на факультетах экономики, истории искусств и истории, стали уже традиционными. Например, опыт факультета экономики в проведении семинаров и летних школ по прикладной макроэкономике был положен в основу крупномасштабного проекта в рамках трехлетней программы HESP. Первая летняя школа в рамках этого проекта была проведена в августе 2003 года и послужила началом знакомства и сотрудничества для молодых университетских преподавателей из разных городов России, а также из Армении, Белоруссии, Венгрии, Казахстана, Киргизии, Монголии, Румынии и Сербии. Цель этого организационного проекта состоит не только в том, чтобы предоставить новые знания в области макроэкономики и эконометрики, но и в том, чтобы повысить качество университетского преподавания и инициировать проведение исследований в соответствующей научной области.

За рубежом хорошо известны проводимые факультетом истории искусств для иностранных слушателей ежегодные летние школы со сквозной тематикой «Художественные сокровища Санкт-Петербурга. Династия Романовых как коллекционеры искусства». Занятия проводятся в небольших группах в виде лекций и семинаров в фондах Эрмитажа, а также в крупнейших загородных императорских резиденциях. Заметно, что первая школа из этого цикла состоялась в 1998 году — за два года до первого набора слушателей на трехлетнюю программу обучения.

Тематическая серия международных летних школ факультета истории, организуемых совместно с немецкими

коллегами, была посвящена новейшим направлениям современной исторической науки, имеющим международное значение и представляющим равный интерес как для «западных», так и для «восточных» историков. Отметим также и зимнюю школу Центра устной истории 2002 года, проведенную в тесном сотрудничестве с преподавателями из Университета Индианы. Эта школа сыграла важную роль в статусном оформлении Центра устной истории и помогла формированию дружественной междисциплинарной среды российских и зарубежных коллег, чья деятельность непосредственно связана с использованием методики интервью в исторических исследованиях.

На основе компетентного знания организаторов и участников можно составить различные классификации школ: по времени проведения — летние, зимние, весенние и осенние, причем последние два подвиды встречаются на практике реже всего; по финансовой стороне участия — платные и бесплатные, в первых участникам из стран бывшего соцлагеря, как правило, дают существенные скидки; по социальному статусу в мире науки — для студентов и аспирантов, молодых исследователей и преподавателей; по тематике — узкоспециализированные или междисциплинарные.

Кроме того, взгляд на школу во многом определяется тем, к какой из трех основных категорий принадлежит человек: организатор, преподаватель или участник. С точки зрения организаторов, это мероприятие — сплошная головная боль. В процессе подготовки — в переносном смысле, а в процессе проведения — в прямом. В случае если школа бесплатна для участников, основной задачей организаторов является добывание финансирования. При этом главной составляющей этого искусства (помимо грамотного написания заявки на соответствующие гранты) является прогнозирование предстоящих расходов и инфляции, номинированной в разных валютах, чтобы после урезания бюджета в разных грантодающих организациях средств осталось бы как раз на нормальное проведение школы. В случае школы с платным участием нужно точно угадать, какая стоимость покроет все расходы по организации и привлечет достаточное число участников. Помимо этого свою интригу вносит характер национального законодательства во всех его аспектах, особенно в отношении иностранных граждан. С точки зрения преподавателей, школа лишает возможности полноценного летнего отдыха перед новым учебным годом, превращаясь в третий учебный семестр, поскольку требует от них поистине героических качеств — умения прочесть полноценный курс за несколько неполных учебных дней и выдержать неформальное ежевечернее общение с участниками. Последнее, впрочем, требуется также от организаторов и, собственно, от самих участников. С точки зрения последних, школа является местом получения и обмена знаниями и самого разнообразного общения (профессионального, полупрофессионального, междисциплинарного, общественного, личного). Кроме того, часто это возможность посетить новые места и тем самым расширить свой географический кругозор.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ И сюжет истории не нов:

комментарии к статье **Анны Котоминой**

■ Стратегическое развитие Университета: план «Б»

■ Нобелевские премии по экономике:

Василий Леонтьев

■ Семейный врач: спаситель или враг?

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

191187 Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3. Тел.: 275 5137; факс: 275 5139
E-mail: rectorat@eu.spb.ru; web-сайт: <http://www.eu.spb.ru>

ГАГАРИНСКАЯ TRI: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЛИСТОК ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
Главный редактор — О. Жиронкина, художественный редактор — А. Ходот, редактор выпуска — Т. Ломакина.
Над номером работали: Е. Богданова, Ю. Вымятина, А. Куприянов, Е. Мельникова, М. Ноженко, К. Федорова.
Фото на первой странице А. Ходота.

Тел.: 579 5751; e-mail: gazeta@eu.spb.ru

Выходит один раз в три месяца. Распространяется бесплатно. Подписано в печать 05.09.2005. Тираж 500 экз.
Газета отпечатана в типографии ООО «ИПК Комплекс». 199053 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 22.